

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Кафедра отечественной филологии и русского языка
как иностранного

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

На тему: «Экспрессивные средства языка в речи политиков (на примере
выступлений депутата ЗАКСа В. Милонова)»

Исполнитель: Дроздов А. П.

Руководитель: доктор педагогических наук,
профессор

Харченкова Людмила Ивановна

К защите допускаю

Заведующий кафедрой _____

(подпись)

кандидат педагогических наук, доцент

Кипнес Людмила Владимировна

Санкт-Петербург

2024

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1 Теоретические основы изучения экспрессивных средств в речи политического деятеля.....	9
1.1 Политический дискурс в современной лингвистике.....	10
1.2. Жанры политического дискурса.....	13
1.3. Эмоциональность и экспрессивность как элементы политического дискурса.....	15
1.4 Виды языковых экспрессивных средств.....	20
ГЛАВА 2 Экспрессивные средства языка в речи В. В. Милонова.....	24
2.1 Речевой имидж В. В. Милонова.....	24
2.2 Экспрессивные средства в политической риторике В. В. Милонова..	34
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	66
Список литературы.....	Ошибка! Закладка не определена.

ВВЕДЕНИЕ

Политическая лингвистика — одно из актуальных и развивающихся направлений в современной филологии в последние десятилетия. Оно было сформировано на пересечении таких гуманитарных наук, как политология, лингвистика, социология, психология, культурология, этнография и другие. Также для глубокого погружения в понимание принципов политической коммуникации (как главного предмета политической лингвистики) исследователи привлекают достижения риторики, лингвистики текста, лингвоперсонологии, стилистики, социолингвистики, психолингвистики, лингвопрагматики. Как отмечает А. П. Чудинов, наряду с мультидисциплинарностью политической лингвистике присущи экспансионизм, антропоцентризм, функционализм, экспланаторность [Чудинов, 2006, с. 7].

Политическая лингвистика как направление исследований дискурсивных практик в лингвистике довольно новое, несмотря на большой интерес учёных к этой области. В связи с этим до сегодняшнего дня нет единой теоретической основы, терминологического аппарата и методов исследования. Политическая лингвистика комбинирует как общепринятые постулаты языкознания, так и различные подходы спектра гуманитарных наук, что позволяет исследователям делать свои работы масштабными и разноаспектными. Но все они объединены тем, что в центр исследования ставится личность как носитель языка, речевое действие, которое также является актором в политической деятельности. Поэтому большое количество научных работ посвящены таким проблемам политической лингвистики, как:

1) Языковая картина политического мира (лингвоментальная), складывающаяся из понятий ментальное поле, ценности и антиценности, политические концепты, стереотипы в политическом дискурсе [Новикова, 2016, с. 111].

2) Политическая коммуникация и напрямую связанные с ней политический дискурс, жанры политического дискурса, тактики и стратегии в

коммуникации политических деятелей, политический текст, политический язык и речь, политическая лексика и фразеология [Чудинов, 2006, с. 9].

Данная работа соответствует главному постулату политической лингвистики, основанному на дискурсивном подходе к исследованию политических текстов и речи политических деятелей. Это обусловлено тем, что установление дипломатических связей, урегулирование конфликтов в целях международного сотрудничества и комфортного сосуществования стран напрямую зависит от умений и навыков активных политических деятелей, таких как умение произносить речи, вести переговоры и др.

Язык богат на средства достижения успеха в коммуникации, в частности средства выразительности и экспрессивные средства языка. Степень речевого воздействия зависит от умения пользоваться экспрессивными средствами языка, поэтому экспрессивные средства очень важны в речи политика. Изучение экспрессивных средств также даёт возможность правильно понять намерения и цели, которые ставят перед собой политические деятели.

На современном этапе развития лингвистики уделяется большое внимание изучению экспрессивных средств в речи людей. Исследований, посвященных данному вопросу, достаточно много. Среди них можно выделить работы М. Я. Блоха, Н. А. Лукьяновой, Н. А. Резниковой, Н. В. Стасюка и другие. Изучение экспрессивных средств в прагмалингвистике представляет собой актуальное и интересное направление. Эффективность воздействия данных средств на адресата требует глубокого изучения и детального описания. Одной из составляющих образа политического деятеля является его умение воздействовать на слушателя. Понимание выбора экспрессивных средств в речи политика, интенции, цели использования, функции этих единиц — один из важнейших шагов в формировании правильного представления о политическом деятеле, это также формирует его идиостиль, речевой портрет.

Речи крупных отечественных и зарубежных политических деятелей посвящено немало работ. Так, использование риторических и стилистических фигур речи как экспрессивных средств языка анализируется в

диссертации Е. Н. Сайгайдачной, А. Д. Гаджиева описывает способы воздействия политиков на публику с помощью экспрессивных языковых средств английского языка, работа Е. В. Жеребцовой и С. В. Юткиной посвящена персуазивной функции иронии в политическом дискурсе английского языка как одному из способов влияния на сознание граждан.

Данное исследование рассматривает и анализирует довольно экспрессивную, неоднозначную, вызывающую противоречивое отношение как политиков, так и избирательного корпуса страны, политическую фигуру Виталия Валентиновича Милонова. Его речь является эмоционально окрашенной, коннотативной, часто содержит грубые и просторечные слова, что даёт интересный материал для исследования. Ранее уже проводились исследования речи первых лиц государств, одиозного В. В. Жириновского, Дж. Буша, М. Тэтчер и других в рамках политического дискурса.

Актуальность данного исследования заключается в том, что политический дискурс как лингвистическое направление по-прежнему развивается, поскольку политика (как и история) создаётся ежедневно, а речь политических деятелей-участников — это главнейший их инструмент. Но каждый политик — личность, имеющая индивидуальный способ использования возможностей языка для реализации политических и личных целей, амбиций (что характерно для антропоцентрического подхода в рамках дискурс-анализа). Изучение экспрессивных языковых средств в речи политиков связано с изучением политического дискурса для формирования научной картины его развития, с установлением механизмов их функционирования в политической коммуникации, а также контекстных связей. Обращение к системе средств языковой выразительности, а именно к экспрессивным языковым средствам, даёт возможность провести данное исследование. Указанная проблема ещё мало изучена в отечественной науке, поэтому исследование восполняет некоторые лакуны и существующее представление о политическом дискурсе.

Новизна исследования определяется его нахождением в рамках политического дискурса и первым анализом речи члена Государственной Думы В. В. Милонова на предмет использования экспрессивных средств русского языка.

Данная работа представляет собой прагмалингвистическое исследование экспрессивных средств, используемых В. В. Милоновым и опубликованных в печатных СМИ (интервью), а также в устных (видеофиксированных) выступлениях.

Объектом исследования является речь В. В. Милонова.

Предметом исследования выступают прагмалингвистические особенности функционирования экспрессивных средств, используемых В. В. Милоновым в диалогах с журналистами.

В качестве **материалов** для исследования были взяты видеointервью и печатные интервью В. В. Милонова в период 2012–2023 гг., опубликованные крупными российскими СМИ.

Методологической базой исследования послужили работы А. П. Чудинова, Ю. Н. Караулова, В. И. Карасик, В. Н. Телии, Н. Д. Арутюновой и других.

Методы исследования: описательный метод, сопоставительный метод, типологический метод, метод прагмалингвистического наблюдения, стилистический анализ. Путем наблюдения и контент-анализа формировался исследовательский материал.

Гипотеза исследования: состав и характеристика экспрессивных средств в речи политического деятеля— В. В. Милонова — зависит от психологических особенностей личности политика, его стратегии поведения и реакции на провокационные вопросы интервьюеров.

Цель исследования заключается в характеристике экспрессивных средств и особенностей их функционирования в речи политического деятеля (В. В. Милонова).

Для достижения поставленной цели были определены следующие **задачи:**

1. Изучить теоретические исследования в области экспрессивности, экспрессивных средств, анализа политического дискурса, жанров политического дискурса, вопросов речевого воздействия.

2. Выявить экспрессивные средства в речи В. В. Милонова в отобранных интервью и классифицировать их.

3. Дать описание выявленных экспрессивных средств.

4. Проанализировать функции отобранных экспрессивных средств.

Теоретическая значимость исследования заключается в систематизации теоретического материала по изучению речевых средств воздействия на слушателя, в выявлении роли экспрессивных средств языка в политическом дискурсе в речи конкретного политического деятеля.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования результатов работы при составлении учебных материалов и пособий по анализу экспрессивных средств в политической речи, по изучению особенностей речи политического деятеля, подготовки специалистов PR-службы (пресс-службы политических организаций).

Ход работы подчинён логике изучения заявленной проблемы и отражается в следующей **структуре**: введение, две главы, заключение, список используемых материалов и литературы.

Введение содержит определение актуальности, цели, задач, объекта и предмета исследования, его научной новизны, теоретической и практической значимости, описанию материала и методов работы.

В первой главе освещены теоретические определения понятий и терминов из области политической речи и способов воздействия, такие как экспрессивность, экспрессивные средства, политический дискурс и его жанры.

Вторая глава содержит непосредственный анализ отобранного материала на предмет использования основных стратегий и тактик и экспрессивных лексических средств, употребляемых В. В. Милоновым в ответах на вопросы журналистов, а также рассмотрению особенностей функционирования выделенных средств в его речи.

В заключении подведены итоги работы, а также определены перспективы, открываемые данным исследованием.

В рамках данного исследования используются такие лингвистические категории, как дискурс, а именно политический дискурс, а также экспрессивные средства языка как элементообразующая категория политической коммуникации. Более подробно данные понятия с теоретической стороны и степени освещённости в науке будут рассмотрены в первой главе.

ГЛАВА 1 Теоретические основы изучения экспрессивных средств в речи политического деятеля

Некоторые ранние лингвистические исследования дают чёткое представление о том, что изначально к изучению дискурса применялся формальный подход. Данное понятие определялось как «речевое произведение выше уровня предложения или словосочетания» [Stubbs, 1983, p. 20] и долго не являлось объектом научного освещения. Эту ситуацию изменили голландский лингвист Т. А. ван Дейк и австрийский учёный Р. Водак, которые в своих работах заявили о междисциплинарном подходе к изучению языка в широком понимании, коммуникации и, следовательно, дискурса.

Ван Дейк определяет дискурс «как сложное коммуникативное явление, не только включающее акт создания определенного текста, но и отражающее зависимость создаваемого речевого произведения от значительного количества экстралингвистических обстоятельств — знаний о мире, мнений, установок и конкретных целей говорящего» [Дейк ван, 1998, с. 2].

Уже с восьмидесятых годов XX века фокус исследовательского внимания переносится на «личностные характеристики носителей языка — их намерения, чувства, эмоции и т.д. Дискурс начинает пониматься как сложное коммуникативное явление, не только включающее акт создания определенного текста, но и отражающее зависимость создаваемого речевого произведения от значительного количества экстралингвистических обстоятельств — знаний о мире, мнений, установок и конкретных целей говорящего как создателя текста» [Кубрякова, 2000, с. 8].

Дискурс включает в себя понятия антропологической направленности [Harre, Gillett, 1994]. Человек в обществе всегда играет разные роли (культурные, межличностные, социальные, профессиональные и другие), помимо коммуникативных, поэтому в дискурс-анализе в центре всегда языковая — говорящая — личность, в связи с чем в

исследования вовлекаются дискурс и коммуникативные (дискурсивные) особенности личности.

Н. Д. Арутюнова определяет дискурс как «речь, погруженную в жизнь» [Арутюнова, 1990, с. 136–137]. Обычно это понимается, как связь реальной деятельности людей с разными типами дискурса. Т. А. ван Дейк утверждает, что тексты массовой коммуникации следует анализировать, как «особый тип языкового употребления и особый тип текстов, относящихся к специфической социокультурной деятельности» [Дейк ван, 1989, с. 112–113]. Только такой подход «позволяет учесть и социальный контекст происходящего, и роли говорящих участников коммуникации, и специфику процессов производства и восприятия сообщения, притом, что главным здесь остается “расширенное понимание контекстуальной перспективы дискурса”» [Кубрякова, 2000, с. 11].

Мы же будем придерживаться определения, данного А. А. Кибриком и В. А. Плунгяном: дискурс — «функционирование языка в реальном времени» [Кибрик, Плунгян, 1997, с. 308], поэтому это понятие шире понятия текста: «Дискурс — это одновременно и процесс языковой деятельности, и её результат (=текст)» [там же, с. 307], т.е. текст, имеющий своего создателя (автора, который является языковой личностью), и созданный для реализации конкретных целей в реальном общении, в котором отражён способ видения мира, характерный для данного социума.

1.1. Политический дискурс в современной лингвистике

Исследование политического дискурса по-прежнему не теряет своей актуальности, это подтверждает большое количество работ, где анализируется специфика указанного типа коммуникации в рамках лингвистики и других гуманитарных наук. Учёные из разных стран обращают свой научный интерес к языку политики, исследуя феноменологию и сущность политического дискурса. В XXI веке можно наблюдать, как растёт террористическая угроза, насколько интенсивны миграционные процессы, возрастает ксенофобия по отношению к

разным группам общества. В связи с этим возникает необходимость осмысления и теоретизирования новых реалий жизни общества, появления других способов языковой номинации, акцентуации на определённых фрагментах реальности. Всё это показывает, что для достижения данных целей одним из основных инструментов выступает язык. Дж. Е. Джозеф постулирует: по своей сути язык политический, следовательно, практически любое использование средств языка можно рассматривать как «политический дискурс» [Joseph, 2006].

Сегодня в отечественной науке увеличивается число работ, посвящённых методологии рассмотрения политического дискурса, его формам, особенностям языка политики, что также развивает политический дискурс-анализ.

В настоящее время политическая лингвистика в России имеет несколько направлений, которые опираются на особые процедуры анализа, установки, формируя индивидуальные области исследования: критический дискурс-анализ, политическая лингвистика, лингвистическая персонология, реконструкции образа мира политика посредством контент-анализа. Учёные из Сибири (Кемерово, Новосибирск, Красноярск, Барнаул, Иркутск, Сургут), развивая антропоцентрический подход, в рамках которого речь политиков рассматривается для исследования индивидуально-авторского стиля в контексте политического дискурса, анализируют вербальные и невербальные компоненты коммуникации. Учёные из-за рубежа тоже активно включились в развитие данного направления (Белорусия, Украина, Болгария, Литва, Латвия, Словакия, Венгрия, Польша, Германия, Швейцария, США). Такой мировой научный интерес «свидетельствует о методологическом многообразии, существующем в современной отечественной и зарубежной политической лингвистике, и позволяет выявлять как общие закономерности развития языка политики в разных странах, так и его национальную специфику» [Матыцина, 2017, с. 183].

Современные отечественные политико-лингвистические работы представлены привлечением разнообразных методов, выборке материала для анализа и другим основаниям. В качестве предмета изучения начинают

выступать особенности политического дискурса: институциональность (Т. В. Юдина, Л. В. Минаева, А. К. Михальская), манипулятивность (А. А. Сорокина, Е. А. Ханина, Е. А. Уланова), интертекстуальность (М. И. Косарев, Л. В. Быкова), экспрессивность (И. А. Чемезова, Е. Б. Плаксина). Работа Е. И. Шейгал «Семиотика политического дискурса» [Шейгал, 2004] посвящена семиотическим оппозициям «свой-чужие», «власть-народ» в политической риторике, которые выражаются на уровне идеологем, терминов, антропонимов, этнонимов. Ряд работ о теории политического дискурса, его развитии (Г. И. Мусихина, С. А. Громыко, О. Ю. Малинова, О. Ф. Русакова, О. В. Альтман), исследования коммуникативных тактик и стратегий находят отражение в работах О. С. Иссерс, М. А. Семкина, С. Ш. Каракулова и других. Типы политической метафоры рассматривают А. П. Чудинов, Ю. Н. Караулов, А. Н. Баранов, Э. В. Будаев и другие. Политическая метафора есть особый научный интерес в рамках политического дискурса. А. П. Чудинов и Э. В. Будаев выявили несколько направлений политической метафоры в речи современных политиков, но для исследования наибольший интерес представляет риторическое (метафора как эстетическое и прагматическое средство языка) [Будаев, Чудинов, 2006].

Европейские лингвисты также активно работают над изучением политического дискурса по материалам СМК зарубежных стран. Довольно интенсивно эта научная деятельность ведётся в польском языкознании (коллективный труд об участии женщин в большой политике на примере стран Вишеградской группы [Fromtransformationtointegration..., 2016]; Я. Бурда характеризует тексто-типологические особенности популизма польских политиков в системе политического дискурса [Burda, 2013]; влияние СМИ на польскую фразеологию рассматривает Д. Половняк-Вавжонек [Połowniak-Wawrzonek, 2009]).

Политический дискурс привлёк внимание сорбонского (г. Париж) профессора П. Шардо. Проанализировав ход президентской выборной кампании во Франции в 2012 году, он делает вывод о необходимости

разграничения предвыборных дебатов и публичной полемики, которая, по мнению Шардо, является стратегией речевого поведения, так как с ее помощью каждая из оппозиционно настроенных сторон отстаивает свою правоту [Charaudeau, 2015].

«В последнее время наблюдается интерес к метафорическому моделированию (Spencer, Kirchhoff, Musolff и др.), исследованию конкретных концептуальных метафор (Wodak, Wright и др.), изучению политических метафор в исторической перспективе (Musolff и др.)» [Матыцина, 2017, с. 185]. Наиболее востребованным направлением исследований остаются анализы политических аргументов, стратегий и тактик речевого воздействия (Gries, Drury).

1.2 Жанры политического дискурса

Внимание современных лингвистов обращено и на анализ жанров политического дискурса. Стоит учитывать, что политический дискурс включает и статусно-ориентированную, и лично-ориентированную коммуникацию. Это даёт основание для деления жанров этого дискурса по оси институциональности от максимально к минимально формально обусловленным: международные переговоры, встречи-обсуждения представителей государств; публичные выступления; речи политиков; политические документы; письма/телеграммы в знак поддержки или протеста; пресс-конференция; публичные политические дискуссии; политический скандал (находится на грани личного и персонального); слухи, анекдоты, разговоры о политике с друзьями и семьёй, в очередях с незнакомцами (так называемая «кухонная» политика) [Халатян, 2011, с. 180].

К институциональным жанрам дискурса относятся виды коммуникации, в основе которых лежит модель «общество — институт»: обращения, петиции, листовки, указы избирателей, выступления на митингах. К обратной модели «институт — общество» относятся: президентский указ, законы, декреты,

постановления правительства, теле- и радиообращение, публичные выступления политических деятелей, лозунги, призывы, круглый стол, парламентские дискуссии, переговоры, встречи политиков.

Также выделяется внутренняя коммуникация: кулуарные обсуждения, закрытое заседание, политическая переписка. Модель, где одной из сторон коммуникации является гражданин, а другой — субъект политической деятельности (= институт) представлена жанрами голосования на выборах, телепрограммами, письмами граждан к политикам и институтам.

В. Е. Гольдин рассматривает коммуникативные события как сложные, многожанровые формы. Но, на наш взгляд, стоит придерживаться определения жанра, данного еще М. М. Бахтиным [Бахтин, 2007, с. 197–236], вслед за которым К. Ф. Седов сформулировал следующее определение: жанр — это «вербально-знаковое оформление типичных ситуаций общественного взаимодействия людей, которое соответствует конкретным коммуникативным целям, успешная реализация которого невозможна без учета фактора и апперцептивного фона адресата» [Седов, 2007, с. 7–38]. В рамках данного исследования жанр политического дискурса определяется как сложное речевое событие (гипержанр), реализующее основную интенцию дискурса — борьба за власть. Он обладает следующими критериями:

- 1) субъективно-адресные отношения,
- 2) событийная локализация,
- 3) функциональная составляющая,
- 4) социокультурная специфика,
- 5) уровень институциональности,
- 6) уровень прототипности.

«Каждый гипержанр дискурса в сфере политической коммуникации поддается разделению на меньшие по объему жанры, в составе которых можно выделить одноактные высказывания, которые обозначают поворот в рамках внутрижанровой интеракции, т.е. речевые тактики или субжанры. В свою

очередь, каждая речевая тактика входит в репертуар конкретной речевой стратегии» [Суханов, 2018, с.206].

Отдельное место занимает жанры интервью с политическим деятелем и политического ток-шоу. Они находятся на стыке медиадискурса и политического дискурса, но являются одним из лучших инструментов для составления речевых, психолингвистических портретов политиков, показывает их живыми людьми в ситуациях неподготовленной речи, их реакции на ранее высказанные слова. Именно такие тексты выступают материалом для нашего исследования, поскольку это «живая» речь, разворачивающаяся во времени и на глазах наблюдающих, давая больше возможностей для анализа, чем заранее подготовленная речь выступлений, «заказных» интервью.

1.3 Эмоциональность и экспрессивность как элементы политического дискурса

Проблема экспрессивности в разных её аспектах изучалась лингвистами из разных стран (Ш. Балли, Л. В. Щерба, А. А. Потебня, В. В. Виноградов, Н. А. Лукьянова, О. В. Александрова и др.). Но в современной лингвистике отсутствует чёткое определение понятия «экспрессивность». Как правило, оно неразрывно связано с понятиями «образность», «эмоциональность», «выразительность», «интенсивность», «коннотативность» и т.д.

Но научные интересы учёных расширяются, выделяются новые области знания внутри лингвистики. Так, Н. П. Романова, опираясь на труды лингвистов Новосибирского университета, утверждает: «Сумма накопленных сведений о выразительных средствах языка уже создает условия для формирования особого раздела лексикологии, который можно назвать „экспрессиологией“» [Романова, 1984, с. 147–149].

Работа М. Г. Гашковой «Уровни языковой экспрессивности (на материале немецкого языка)» содержит такое определение экспрессивности, как «категории стилистики, лингвистики, литературоведения, искусствоведения,

которая охватывает связи формальных, семантических, функциональных и категориальных единиц, выражает сознательное, целенаправленное, субъективное, эмоциональное и эстетизированное отношение говорящего к собеседнику, обладает функцией воздействия и служит для выделения, актуализации высказывания в процессе общения» [Гашкова, 2010, с. 153–154]. Главная задача экспрессивности, по мнению В. Н. Телии,—«анализ того, как способ, используемый говорящим, порождает экспрессивный эффект» [Телия, 1991, с. 11].

В определении экспрессивности как лингвистической категории также встречаются разночтения. Некоторые специалисты связывают её с семантикой слов (А. Вежбицкая, В. Г. Гак, Н. А. Лукьянова, И. А. Стернин и другие) и функциональной стороной языка (В. Н. Телия, В. А. Авронин, А. А. Реформатский, Р. О. Якобсон), другие учёные обращаются к терминологии лексикологии и лингвостилистики (Э. С. Азнаурова, И. В. Арнольд, Ю. М. Скребнев). Дж. Остин, Л. А. Киселева, А. А. Мецлер, Р. О. Пиотровский, Д. С. Писарев, И. П. Ромашова считают экспрессивность прагматической категорией.

И. В. Арнольд под экспрессивностью понимает «свойство текста или части текста, передающее смысл с усиленной интенсивностью, выражает внутреннее состояние адресанта, и имеет своим результатом эмоциональное или логическое усиление, которое может быть образным, а может и не быть» [Арнольд, 2002, с. 100]. О. А. Крылова, рассматривая экспрессивность как усиление выразительности речи, увеличение её воздействующей силы, отмечает: «Любая речь, если она обладает эмоционально-оценочными или образными коннотациями, является экспрессивной» [Крылова, 2006, с. 85].

М. Я. Блох пишет о том, что «экспрессивность — усиление впечатляющей силы высказывания в соответствии с планируемым целенаправленным воздействием на адресата» [Блох, 2006, с. 16].

Для данной работы характерно совмещение двух точек зрения. А. Д. Гаджиева определяет экспрессивность как «текст или сообщение,

отличающееся от обычной стилистически нейтральной речи своей выразительностью, выступающее в коммуникативном акте как средство субъективного выражения эмоции и отношения говорящего к содержанию или адресату речи» [Гаджиева, 2019, с.66]. И Д. С. Писарев формулирует понятие экспрессивности как «целенаправленное воздействие на слушателя с точки зрения впечатляющей силы высказывания, выразительности, его эстетической характеристики, и это категория, ориентированная на адресата, то есть имеющая прагматическое значение» [Писарев, 1983, с. 40].

На основе анализа работ исследователей и их подходов к определению понятия «экспрессивность» можно сделать вывод, что экспрессивность — явление комплексное. Но что является её составными элементами, на этот вопрос однозначного ответа у исследователей нет. Кажется правомерным утверждение, что в состав экспрессивности входят образность, оценочность, интенсивность, персуазивность. Но важно различать эмоциональность и экспрессивность, хотя эти два понятия тесно взаимосвязаны друг с другом. То есть экспрессивность и эмоциональность находятся в отношениях «часть — целое». «Эмоциональные языковые средства всегда экспрессивны, однако экспрессивные средства языка могут не быть эмоциональными» [Галкина-Федорук, 1958, с. 42]. Таким образом, эмоциональность является средством формирования экспрессивности.

Отсюда возникает вопрос: как создаётся экспрессивность? Она складывается из субъективного отношения автора к окружающей действительности и миру в целом: он передаёт своё эмоциональное состояние, переживаемые чувства, отношение к ситуации и так далее. «Тема, фабула сообщения, его структура, отбор языковых средств и композиция определяются автором как языковой личностью, системой ценностей, отношением к языку» [Гаджиева, 2019, с. 67].

Из-за развития учения об экспрессивности сейчас данное явление понимается и как выразительность речи в целом, и как отдельная

лингвистическая категория, обладающая конкретными функциями, что позволяет исследовать экспрессивность на разных уровнях языка.

Языковеды выделяют разнообразный *состав компонентов экспрессивности*. К примеру, В. Н. Телия пишет об оценочности и эмоциональности [Телия, 1991, с. 637–638], Т. В. Матвеева выделяет интенсификацию признака, эмоциональность, оценочность [Матвеева, 2003, с. 404], Н. А. Лукьянова называет образность, интенсивность и эмоциональность. Но все исследователи сходятся в том, что компоненты экспрессивности в текстах могут составлять разные сцепления. Это зависит от значения лексической единицы экспрессивной окрашенности.

Все лингвисты солидарны в том, что экспрессивность неразрывна с *эмоциональностью*, поэтому в литературе встречаются такие обозначения, как «экспрессивная функция», «эмоционально-экспрессивная функция», «экспрессивно-выразительная функция».

Эмоциональная речь показывает богатство опыта переживания чувств человеком. Экспрессия же выражается как на вербальном уровне, так и невербальными средствами коммуникации (мимика, жесты), в том числе и тем, как говорящим воспринимается действительность.

Стоит провести грань между эмоциональными и экспрессивными элементами языка, так как они выполняют разные задачи, хотя и взаимодополняют друг друга. «Эмоциональность в языке находится на одном уровне с интеллектуальными и волевыми манифестациями, а экспрессивность может служить реализации как эмоциональных, так и интеллектуальных и волевых сообщений» [Гаджиева, 2019, с.67–68]. То есть экспрессия — увеличение выразительности, изобразительности, динамичности речи, усиливая впечатление, воздействие на адресата, а это позволяет делать язык разнообразнее. Следовательно, экспрессивность шире понятия «эмоциональность».

В. В. Виноградов придерживается точки зрения, что эмоциональность и экспрессивность — единая языковая категория, поэтому в его интерпретации

экспрессивное значение — это выразительная сила, субъективная оценка. То есть слово наделено лексическим, семантическим, грамматическим значениями и ко всему передаёт оценку индивида или коллектива. Оценка обладает творческой ролью в изменениях значений слов, так как она создаёт его предметное значение. Экспрессивное восприятие играет более значимую роль в определении подборки основных элементов семантического уровня в рамках высказывания [Виноградов, 1947, с. 18].

Эмоционально окрашенные слова необходимы для выражения чувства, придавая речи выразительность (экспрессивность). Ранее было сказано, что эмоциональная окраска может быть у разных слов, выражающих чувства, мысли, желания, отношение говорящего к предмету речи. Можно сделать вывод: в языке эмоциональные средства всегда экспрессивны в отличие от экспрессии — в языке она не всегда эмоционально окрашена.

Неотъемлемая составляющая экспрессивности — *оценочность*. Эмоциональность, которая выражает чувства и эмоции, и оценочность — соотнесённость слова с оценкой, — это два взаимосвязанных элемента значения экспрессивного слова («Оценка содержится повсюду, где происходит какое бы то ни было соприкосновение субъекта познания с объективным миром» [Колшанский, 1975, с. 142]).

Оценочный компонент максимально субъективен. Как правило, это предыдущий этап объективного восприятия на всех уровнях структуры речи (на уровне словосочетания, предложения, текста как конечной единицы).

Также немаловажным компонентом экспрессивности выступает *интенсивность*, «которая демонстрирует отклонение в плане нормативности и вследствие этого заставляет воспринимать описываемое иначе, чем обычное явление, соответствующее некоторой мере или норме» [Гаджиева, 2019, с. 69]. В. Г. Гак пишет: интенсивность возможно достичь двумя средствами — количеством и качеством. Количественная интенсивность получается за счёт повторения эмоционально окрашенных слов. А качественная интенсивность создаётся благодаря выбору более сильного слова в синонимичном ряду.

В системе языка слово или выражение становится экспрессивным под воздействием специальных приёмов, наделяющих речевую единицу дополнительной экспрессивностью, выражая *образность*. Н. А. Лукьянова даёт образности следующее толкование: это — «семантическое свойство языкового знака, его способность выразить внеязыковое содержание (передать внеязыковую информацию) посредством целостного наглядного представления образа с целью характеристики обозначаемого им лица, предмета, явления и выражения эмоциональной оценки субъекта, то есть говорящего лица» [Лукьянова, 1986, с. 43]. Образные средства помогают работе воображения, что позволяет заполнять информационные пробелы в структуре текста, облегчая процесс восприятия текста.

Человек воспринимает текст с помощью образов и понятий. Образные средства усиливают оттенки значений — экспрессивные средства помогают устанавливать связь между сообщаемым и реальным событием или предметом.

1.4. Виды языковых экспрессивных средств

И лингвисты, и психологи, и политики, и имиджеологи подчёркивают манипулятивный характер современного политического дискурса, что даёт основание для научного описания репертуара средств воздействия на сознание масс, которые терминируются по-разному: манипулятивные маркеры (Е. И. Шейгал, О. С. Иссерс, В. В. Красных), «лингвистические ловушки» (К. Гуд), «риторические трюки» — принципы политического воздействия (И. О. Вагин). «Анализ порождаемого личностью дискурса даёт представление об индивидуальных особенностях коммуникативной компетенции, о скрытых («латентных») процессах языкового сознания, составляющих своеобразие дискурсивного мышления человека» [Сагайдачная, 2009, с. 3].

В словарях экспрессивные средства определяются как интенсификаторы, усилители, то есть слова данной категории усиливают выразительность в

процессе речи при выражении эмоций, чувств, мысли, воли. Немаловажной функцией экспрессивных средств является эстетическая.

«Для наглядной и ясной речи используются экспрессивные языковые средства, которые дают вкусовую, слуховую, зрительную информацию» [Толоконникова, 2013, с. 1488]. С помощью экспрессивных средств говорящий точнее и чётче выражает своё отношение к содержанию речи и её адресату. Также применение экспрессивных средств позволяет говорящему оказывать влияние на реципиента, на то, как он воспринимает и интерпретирует текст. Г. В. Вахитова пишет: «Языковые средства для выражения экспрессивности включают экспрессивные средства, которые присущи системе языка, обладают регулярной воспроизводимостью» [Вахитова, 2007, с. 14]. Под средствами речевого выражения экспрессивности подразумеваются «экспрессивные средства, становящиеся такими только при употреблении речи в контексте» [Вахитова, 2007, с. 14].

Усиление речевой экспрессивности реализуется с помощью единиц разных уровней языка (фонетического, морфемного, лексического, синтаксического, единиц структуры текста и так далее).

Фонетические средства —мощнейший пласт экспрессивных языковых средств, поскольку человеческий голос способен передать тончайшие нюансы. Фонетические средства состоят из темпа и ритма речи, тембра голоса, различных пауз, повышения или понижения тона, громкости, интонации, ударений, звукописи и прочего. Всё это усиливает воздействие высказывания, акцентирует и придаёт особую значимость определенной его части.

Морфологические средства выполняют выделительную и грамматическую функции. Морфологические средства экспрессивности состоят из словосложения и аффиксации. Слова, образованные с помощью определенных префиксов, суффиксов, в некоторых случаях имеют экспрессивную окрашенность. В арсенале русского языка большое количество экспрессивных морфем, например, уменьшительно-ласкательные,

увеличительно-огрубляющие суффиксы. Безаффиксальные методы образования слов также способны создавать эффект экспрессии.

Экспрессивные средства лексического уровня наиболее активно используются в политической коммуникации. К ним относятся эпитеты, метафоры и метонимия, оксюморон, гиперболола и литота, олицетворение, сравнения, перифраз, параллелизм, ирония, каламбуры, эвфемизмы. Также распространённым приёмом политиков является использование фразеологизмов, крылатых выражений, афоризмов, пословиц и поговорок.

К средствам экспрессивности принято относить определённые синтаксические конструкции так называемого экспрессивного синтаксиса. В политической речи преимущественно используются риторические вопросы и восклицания, анафора и эпифора, эллипсис, парцелляция, градация, умолчание, инверсия, бессоюзие или, наоборот, многосоюзие, антитеза, повторы, вводные слова и конструкции, антистремфон.

Ввиду того что экспрессивные средства являются частью масштабной системы — языка, следовательно, как его более мелкий элемент также обладают такой характеристикой как системность. «Ключевая особенность подобной системы состоит в том, что она представлена языковыми единицами разных уровней. Следовательно, экспрессивные элементы формируют не однородный комплекс, а систему систем. Общим ядром языковой системы экспрессивности считаются лексические средства, которые в наибольшей степени выражают данную категорию, синтаксические средства же относятся к дальней периферии» [Шарова, 2002, с. 4].

В своей работе мы более всего уделяем внимание экспрессивным лексическим и синтаксическим средствам, используемым в речи В. В. Милонова.

Выводы по первой главе

Политический дискурс — развивающееся направление лингвистики, рассматривающее политическую речь с разных сторон, поэтому до сих пор не

имеющее однозначно сформулированной теоретической и методологической базы. Но все исследователи согласны в том, что речь политиков эмоциональна и экспрессивна, так как это позволяет им достигать прагматических целей. В состав компонентов экспрессивности входят интенсивность, образность, персуазивность и оценочность. В настоящее время не существует общепринятого определения понятия «экспрессивность». В данном исследовании совмещаются точки зрения Д. С. Писаревой и А. Д. Гаджиевой как наиболее убедительные.

Политический дискурс является многожанровым явлением, о чем свидетельствуют его структурная многомерность и многогранность. В основе жанрового деления в рамках этого дискурса лежит оппозиция «свой — чужие», что позволяет ярче демонстрировать политическую борьбу и реализовывать прагматические задачи. В данном исследовании мы делаем акцент на жанре интервью, выделяя устные и письменные его формы, поскольку это живая, неподготовленная («несценарная») речь, разворачивающаяся в настоящее время, при мобилизации всех коммуникативных возможностей и компетенций политика.

Главной целью политической речи является оказание воздействия на аудиторию. Речевое воздействие — это процесс влияния на сознание и деятельность адресата с помощью языковых средств. Речевое воздействие осуществляется посредством коммуникативных стратегий и тактик. В качестве рабочего определения речевой стратегии и тактики мы рассматриваем речевую стратегию как намерение, замысел, интенцию говорящего, речевую тактику — конкретные этапы, способы, реализации стратегии (этому будет уделено больше внимания в следующей главе).

ГЛАВА 2 Экспрессивные средства языка в речи В. В. Милонова

2.1 Речевой имидж В. В. Милонова

Классическая диада лингвистики — язык и речь — на современном антропоцентрическом этапе развития науки о языке раскрывается как языковое сознание и коммуникативное поведение. В центре такого понимания предмета языкознания находится языковая личность – «обобщённый образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций» [Карасик, 2002, с. 5].

Ныне очевидно, что сам по себе языкневозможно познать, если не обращаться к его творцу, носителю, пользователю, то есть к конкретной языковой личности (Ю. Н. Караулов).

Анализ речевого портрета представляет собой характеристику разных уровней реализации языковой личности. При этом возможно описание не всех слоёв языка, так как «языковые парадигмы, начиная от фонетической и кончая словообразовательной, оказываются вполне соответствующими общенормативным параметрам» [Николаева, 1991, с. 73].

Сегодня говорят о широком понимании, когда идиостиль рассматривается как совокупность механизмов, которые стоят за созданием текста определённым автором; и узком подходе, при котором изучается система лингвостилистических средств, свойственная творческой языковой личности автора текста (работы М. М. Бахтина, В. В. Виноградова, В. П. Григорьева, В. М. Жирмунского, Ю. Н. Караулова, Ю. Н. Тынянова, Б. М. Эйхенбаума, Р. О. Якобсона и других).

Н. С. Болотнова трактует понятие «идиостиль» в рамках коммуникативного аспекта: это «многообразные индивидуальные проявления языковой личности автора в текстовой деятельности, ориентированной на адресата» [Болотнова, 2014, с. 27]. Цель, которую преследует коммуникативная стилистика в изучении идиостиля,— это «поиск ключей к

пониманию авторской картины мира и содержания текстов, в которых она отражается; анализ индивидуальных особенностей и речевого мастерства авторов» [там же, с. 29]. Учёный указывает, что «её (личности — А.Д.) продуктом является текст как форма коммуникации, как основной объект исследования, рассматриваемый с учетом его лингвистических и экстралингвистических факторов текстообразования и текстовосприятия, позволяющий моделировать индивидуальные особенности языковой личности автора, «стоящего» за текстом [там же, с. 28]. Индивидуальные особенности текстовой деятельности личности отражают её интенции, картину мира, лексикон, семантикон, грамматикон, тезаурус.

Поскольку политический деятель — личность медийная, преследующая цель воздействия и создания определённого имиджа вокруг своей персоны, то речетворчество — самый главный инструмент в достижении этого.

Виталий Валентинович Милонов (род. 1974) — депутат Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации в Санкт-Петербурге с 2021 года (по настоящее время). Он состоит во фракции «Единая Россия» и является заместителем председателя Комитета Государственной Думы по вопросам семьи, женщин и детей. В связи с этим его позиция ультраконсервативная в вопросах морали, нравственности, порой отсылающая к «Домострою», что не так легко согласуется со взглядами современных соотечественников. Также политик — ярый приверженец СВО, поэтому является добровольцем на фронте, всячески подчёркивая этим свой патриотизм и пророссийскую позицию в СМИ, несмотря на периодические пребывания в Санкт-Петербурге для исполнения своих прямых обязанностей как депутата.

Свою известность в мировых СМИ он обрёл благодаря ряду законодательных инициатив, вызвавших скандалы, особенно законопроект, запрещающий в Санкт-Петербурге пропаганду педофилии и гомосексуализма среди несовершеннолетних.

В современном политическом мире В. В. Милонов — первый депутат города Санкт-Петербурга, чью отставку требует часть избирателей его округа

(ссылаясь на то, что депутат не справляется со своими обязанностями), горожане, культурные и городские общественные деятели. Поводом такого негативного отношения граждан и даже создание общественной петиции о сложении полномочий В.В. Милоновым стала «целая серия абсурдных инициатив и бредовых выходов» [1]. Они создают городу на Неве «имидж столицы гомофобии и мракобесия, а также города абсурдных законодательных инициатив»[1]. В петиции также говорится о нашедшей инициативе депутата «О запрете пропаганды гомосексуализма», призыв к созданию в Петербурге полиции нравов из казаков и православных дружин, наделении эмбрионов правами человека.

В.В. Милонов, с точки зрения владения нормативным русским языком, показывает себя грамотным, начитанным, образованным (сказывается и направленность полученного высшего образования). В силу специфики рода своей деятельности его речь изобилует устойчивыми выражениями канцелярского типа (которые часто можно встретить в общественно-политических диалогах, выступлениях, подготовленных встречах с представителями СМИ для комментария по какому-то актуальному информационному поводу).

В связи с тем, что политический деятель зачастую обращается к букве закона, в его речи преобладают слова соответствующей тематики и термины. Также, проводя параллели с историческими событиями или фактами, депутат демонстрирует свои знания отечественной и зарубежной истории, апеллируя к историческим аргументам. Это нашло отражение в интервью каналу «AlphaNewsArmenian» в августе 2023 года: В.В. Милонов высказал свою точку зрения на гуманитарную катастрофу в Арцахе, выразив скептическое мнение относительно надежды Армении на помощь международного сообщества. Всё это помогает ему формировать свой образ как знающего, квалифицированного политика и придаёт значимость его словам в момент восприятия речи аудиторией.

Отличительной чертой В.В. Милонова во всех интервью, видеозвонках с телеканалом, ток-шоу, в которых он принимает участие как приглашенный гость, является то, что вначале он старается контролировать свою речь, строить высказывания по нормам русского языка (его речь выглядит академической). С течением времени он переходит на более простую лексику, речевые конструкции становятся незамысловатее и короче, включаются слова разговорной и даже сниженной окраски: «Это вечная проблема ереванской интеллигенции. Она надеется на международное сообщество, которое *плевать хотело*, собственно говоря, на Армению» [2]. Это также является его стратегией сближения с аудиторией на психологическом, эмоциональном уровне. Его модель поведения такова: в начале беседы он официальное лицо, представитель института власти, но далее для подчёркивания своей принадлежности к миру обычных граждан, равенства с основной аудиторией (обычными людьми), он демонстрирует активное владение повседневным, обыденным языком — разговорным, — который отличается отсутствием шаблонности, обилием терминов и понятий, сложной лексики и синтаксиса. Поэтому его речь становится похожей на неформальное общение на кухне на политическую тему. Этим он старается показать свою равность с целевой аудиторией, придать авторитетность своей речи (и своей фигуре как политика), осведомленность в силу приближённости к уровню, на котором делают политику, хотя и демонстрирует, что он такой же человек, как и все граждане.

В связи с этой позицией и намерением не играть какую-то заранее прописанную в сценарии роль, парламентарий активно использует в своей речи сленг, несложные синтаксические конструкции, также прибегает к ненормативной лексике, чувствуя себя в этот момент легко, свободно. Это свидетельствует о том, что это его привычный стиль речи [3]. Одно из интервью посвящено ранее высказанной позиции Милонова о том, что своим физическим присутствием представители секс-меньшинств пачкают Чечню, разносят СПИД в обществе. Здесь политик демонстрирует себя как упрямый, не гибкий, не желающий слушать интервьюера. Он считает, что существует только его правда,

верная статистика, это заставляет усомниться собеседника в осведомлённости относительно обсуждаемого вопроса.

Но подобное поведение напоминает психологическую защиту, попытку утверждения своей позиции, авторитета как выдающегося, значимого политического деятеля современности. Об этом свидетельствует и невербальный уровень. Его поза: старается занять всё кресло, чтобы показать свой «вес», значимость. При этом взгляд исподлобья даёт понять, что он защищается, но для того, чтобы не так ярко это демонстрировать, он намеренно держит (порой прикладывая физические усилия) себя сидящим вполборота, слегка склонив голову. Такой наклон головы и устремлённый на собеседника взгляд говорит и о желании посоперничать с ним, «помериться» силой слова, убеждения, авторитетностью.

К стратегии самозащиты парламентарий прибегает зачастую во время участия в ток-шоу, где оказывается по другую сторону политических взглядов от присутствующих. Он старается обозначить свои границы посредством нападения с первых же минут своего участия в программе. Такое поведение хорошо просматривается в споре о необходимости вывести из системы ОМС бесплатные аборт [11].

В этом ток-шоу Милонов не с первых минут принимает участие, а находится за эфиром, но слушает других участниц и ведущую К. Собчак. После того как четыре женщины высказывают свою позицию на заявленную тему, политик присоединяется к ним в студии. И с первой же своей фразы называет их обсуждение «курицыным» [11]. Такой просторечной единицей, приобретающей в контексте данной беседы оскорбительный оттенок, также и характеризующей Милонова как человека, совершенно не уважающего этих женщин. Одним этим эпитетом парламентарий хочет указать женщинам их место и роль в этом мире: курица-наседка, по своей природе, должна высиживать потомство, а не заниматься решением (и даже обсуждением) каких-то важных тем. Такая тактика – попытка снизить значимость их позиций, в целом авторитетность как личностей и общественных деятелей, а также

Милонов пытается «задеть» их, подчёркивая, что они женщины, которые собрались посплетничать, то есть вести пустые разговоры, как это обычно делают женщины.

В процессе наблюдения за речевым поведением В. В. Милонова на этом ток-шоу можно заметить, что у него нет конкретных аргументов в защиту своей позиции (поддержки узаконивания запрета аборта).

«К. Собчак: <...> вы же чувствуете, что я вас сейчас загоню в угол... О'кей, зарождается жизнь с первого дня, человек живёт там, и он отделён от матери, она не может его убить, потому что иначе она убийца. Почему мать должна, по вашей логике, она же не обязана поддерживать эту жизнь? Ну, как бы... То есть она... Ну как? В моём доме появился сосед, я не обязана ему электричество продавать.

В. В. Милонов: Сосед у вас появился по независящим причинам. А ребёнок... Он же не просто так у вас появился.

К. Собчак: Я его должна кормить. Он кровь и плоть сосёт. По этой логике, я могу его передать государству в виде одной недели, и пусть государство дальше им занимается» [11].

Женщины, включая ведущую К. А. Собчак, всячески его возвращают к теме, призывая этим высказать понятный аргумент, не только изрекая набор длинных предложений, но чётко давать ответы на их вопросы по теме. Со стороны это выглядит, как оборона В. В. Милонова от заранее вступивших в заговор атаковать его женщин.

И защищая свои взгляды, и формируя имидж как политика, В. В. Милонов высказывает только свою точку зрения на обсуждаемую проблему. При этом он не делает уточнения, что это только его позиция, то есть стремится выдать свои убеждения за государственную политику, поэтому у участниц и зрителей не формируется ясного понимания: государственная политика предлагает иную или такую же, как в его словах трактовку. В связи с этой игрой, будто намеренным уведением мысли от обсуждаемого вопроса, собеседникам сложно

вести с ним диалог. Его позиция в вопросе запрета абортaв максимально религиозная, личная, но не согласуется с государственной политикой.

С помощью своей речи В. В. Милонов всячески пытается создать себе образ уверенного, эрудированного человека, активно использующего лексические возможности русского языка. Поэтому часто привлекает фразеологическое богатство нашего языка: он использует как устойчивые выражения, так и прямое цитирование Священного Писания, либо позволяет себе перефразировать его строки в том контексте, в котором он выставит себя и свою политическую активность в выгодном свете. Так он поступил в эфире «Эха Петербурга» в 2012 году, прокомментировав получение «Серебряной калоши»: «<...>Перефразируя слова одного песнопения: „Блажен муж, ибо он осужден советом нечестивых” <...>»[4] (в оригинале — Псалтирь 1:1–3 Синод: «Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых и не стоит на пути грешных, и не сидит в собрании развратителей, но в законе Господа воля его, и о законе Его размышляет он день и ночь!»). «Советом нечестивых» депутат называет создателей премии и всех тех, кто не поддерживает политический курс В. В. Путина, чья деятельность не направлена на нравственное и духовное возрождение России: «...они наградили тех, кто был за Путина, кто за церковь, и тех, кто выступает за духовно-нравственное возрождение страны» [4].

Подобные отсылки к религиозным текстам (и в принципе религиозному дискурсу) обоснованы тем, что В. В. Милонов позиционирует себя «как глубоко верующего человека» [5]. Это он подчёркивал в ответ на петицию о досрочном сложении полномочий депутата из-за поданного на рассмотрение законопроекта о запрете пропаганды гомосексуализма и выражаемых претензий в адрес музыкальных исполнителей Мадонны и Леди Гага в 2012 году. Ещё сильнее подчёркивая религиозный посыл своей деятельности в ответ на требование общественности лишит депутатского поста, Милонов апеллирует тем, что попросить сделать это его может представитель церковной иерархии, а также президент РФ, тем самым он привлекает и юридические основания, демонстрируя знания в области законодательства РФ.

Также В. В. Милонов открыто заявляет, что авторитетом (в первую очередь, морально-нравственным, поскольку он придерживается духовно-нравственных догм) для него является патриарх Кирилл. Одновременно с ним премией «Серебряная калоша» (антипремия, которую вручает радио «Серебряный дождь» за сомнительные достижения в шоу-бизнесе — А. Д.) удостоен и патриарх. Для парламентария это означает равенство с такой высокой фигурой отечественного духовенства и является подтверждением правильного направления деятельности: «Если уж такие персонажи как Ксюша Собчак меня и самое главное святейшего патриарха Кирилла этим наградили, значит, я очень рад. Но я не очень хорошо понимаю лошадиный юмор. Тем не менее, если уж такие люди считают, что мы плохие, значит, мы очень хорошие» [4].

Частотными лексемами в речи политика являются «сатанист», «содомит», «гомосек» или «голубой», определяя сексуальную ориентацию, и все производные от них («тусовка содомитов» [5], «голубой сатанист» [4], «гомосек, содомит» [3], «Сегодня Ангела Меркель, вступив в интимную связь с суккубами и инкубами из левых партий, разрешила *содомские браки*, разрешила похищать детей из христианских семей и отдавать их на растерзание и для сексуальных утех *гомосексуалистам, спидозным содомитам*. Надо, чтобы они чувствовали, что Россия не приемлет их стандарты и никогда в жизни мы не согласимся стать Содомом и Гоморрой» [6]). В качестве основной характеристики или усиливающего образ эпитета их использует Милонов в отношении всех лиц, которые не поддерживают его взгляды либо их политическая, общественная деятельность не укладывается в его духовно-нравственную картину мира. Также речь парламентария напоминает политическую пропаганду, характерную той, что была в Советское время, где всячески подчёркивали: Запад идёт по ложному пути, не свойственному идентичности России, не является образцом нравственности и духовности. Такое речевое поведение политика сопоставимо с крестоносцами, главная

задача которых была в народ завоевываемых территорий нести Слово Божие, обращать в свою (единственно верную, праведную) веру.

По мнению депутата, Запад является олицетворением библейских Содома и Гомморы, погибших из-за разврата, царивших в этих городах, что противоречит законам Божиим, поэтому гибель их стала наказанием нарушений догм. В языке они стали иносказательными, обозначая место, где попораны моральные устои общества развратным поведением жителей.

Такой, по мнению В. В. Милонова, является Европа, где потокают на государственном уровне представителям ЛГБТ, которые не поддерживают традиционных семейных ценностей. Также он убеждён, что поддержка людей нетрадиционной сексуальной ориентации — это открытый коридор для увеличения количества заболевших СПИД. И в упомянутом интервью на «Дожде» с К. А. Собчак в 2017 году В. В. Милонов эмоционально настаивал на том, что необходимо законодательно не поддерживать (подобно Европе) в России однополые браки (и в целом отношения), потому что это не только морально оскверняет страну, но и буквально разносит СПИД подобно инфекции, передающейся воздушно-капельным путем, поэтому необходимо отмывать Россию с шампунем после гей-парадов и в целом скопления ЛГБТ-представителей («Мыть мост с шампунем после этого спидозного...» [3]). Для подкрепления своей позиции и обоснования метафоры «отмыть с шампунем» Милонов использует исторические военные конфликты:

«В. В. Милонов: Фашисты шли — за ними мыли улицы. Украинские агрессоры шли по Донбассу, и после них мыли улицу.

К. Собчак: А вы не думаете, что кому-то после вас захочется помыть улицу или хотя бы студию?

В. В. Милонов: Да помой! Может, польза будет от этого либерала, который улицу хоть раз в жизни помоем» [3].

Поскольку В. В. Милонов по своим политическим взглядам является радикальным консерватором, то видит корень проблемы Запада в том, что они либералы, отсюда и допущение уже на уровне государственной политики ЛГБТ-

сообщества, отсутствие пропаганды традиционных нравственных ценностей. И Россия пытается следовать, подражать этим странам, поэтому идёт не по праведному, благочестивому пути. Для России это некий свой вид болезни: «<...>Нужно просто отмыть от ЛГБТ, от всех этих либералов» [3].

И как оппонент, и как интервьюер, главная задача которого как можно яснее показать позицию и послы депутата, Ксения Собчак задаёт наводящие, уточняющие вопросы, пытается переубедить политика в том, что не нужно предмет их беседы облекать лишь в негативные тона. Однако также она пытается спровоцировать Милонова с помощью своей осведомлённости относительно обсуждаемой темы, тем самым принизив его образованность:

«К. Собчак: Знак равенства между болезнью и ориентацией — это, безусловно, проявление фашизма.

В. В. Милонов: Учёные... да хватит вам с фашизмом с вашим! Фашизм — это то, что делают либералы. А-а... Так вот я могу сказать: ювенальная юстиция — это фашизм.<...>.

К. Собчак: Вы понимаете значение фашизма?

В. В. Милонов: То, что возникновение СПИДа, шествие СПИДа по планете равна шествию распространения гомосексуализма — это правда. Если бы не они, не было бы. Это кара.

К. Собчак: То есть вы этого человека случайно назвали, простите, «спидозным». И оказалось, что это так.

В. В. Милонов: Спидозный— это такая... ну... нарицательное название» [3].

Для В. В. Милонова гомосексуализм — это реальное, буквальное материальное проявление того обилия грехопадения, которыми прогневали Бога жители Содомы и Гоморры. Бог их наказал. И это событие было много лет тому назад. Но, по мнению депутата, люди из поколения в поколение не просвещаются в религиозном плане, поэтому не знают, что случилось с Содомом и Гоморрой, а сейчас по незнанию и неследованию библейским

заповедям повторяют их судьбу, поэтому наказание божье неизбежно, оно и проявляется уже в распространении серьезной инфекции.

Таким образом, использование в своей речи оценочного компонента через подбор соответствующих убеждениям, взглядам лексических единиц, выстраивания индивидуального синтаксиса, отбор фактов, переключение собеседника на нужную политику тему формируется индивидуальный имидж В. В. Милонова. Отличительной чертой оценки парламентария является абсолютность, это характеризует политика как человека, предпочитающего открыто заявлять о собственной позиции. Он не приемлет и даже не намерен учитывать позицию оппонента, поскольку считает, что он более сведущ в нуждах целевой аудитории, так как убеждён, что находится с ней на одном уровне.

Эффективность воздействия речи возрастает, если она «насыщается» образными средствами. В. В. Милонов умело обращается с создающими экспрессию языковыми конструкциями. Они достаточно разнообразны: тропы, фигуры, разные виды цитирования, фразеологические единицы. Нередко средства воздействия дополняют друг друга. Это делает его речь более яркой, эмоциональной, экспрессивной, что помогает реализовывать главную цель — воздействие на аудиторию с последующим обращением к его политической позиции, в целом поддержки его деятельности.

2.2 Экспрессивные средства в политической риторике В. В. Милонова

Важным средством общения является язык, посредством которого осуществляется не только обмен информацией, но и воздействие на собеседника. В настоящее время вопрос об определении речевого воздействия является дискуссионным. Результатом воздействия становится перестройка индивидуального сознания, изменение эмоционального состояния, поведения, картины мира, отношения к происшедшим событиям [Матвеева,

2015, с. 37]. Г. Г. Матвеева считает, что целью речевого воздействия является регуляция социальных, межличностных отношений и ментальных состояний собеседников [Матвеева, 1993, с. 4].

С точки зрения Е. В. Шелестюк, речевое воздействие — это влияние, которое оказывается субъектом на адресата при помощи лингвистических, паралингвистических и нелингвистических символических средств в процессе речевого общения, которое отличается особыми предметными целями говорящего [Шелестюк, 2014, с. 39].

В своей работе мы будем придерживаться определения Н. В. Стасюк, которая рассматривает речевое воздействие как «воздействие, которое осуществляет адресант относительно адресата, используя при этом выбранные языковые средства» [Стасюк, 2015, с. 62]. В. И. Карасик разграничивает «намеренное (интенциональное) и побочное (неинтенциональное) воздействие» [Карасик, 1992]. Г. Г. Матвеева выделяет три вида речевого воздействия: прямое/непосредственное, не прямое/косвенное и скрытое [Матвеева, 2015, с. 37].

Речевое воздействие в политической речи носит комплексный характер, так как политик стремится воздействовать не только на рассудочную, рациональную, но и эмоциональную сферу слушателей. С точки зрения М. Я. Блоха, Н. А. Резниковой, «наиболее эффективным считается воздействие, сочетающее в себе элементы рационального и эмоционального. Однако большую значимость для массовой аудитории приобретает эмоциональное выступление, способное «разжечь пламя» в душах слушателей, увлечь и повести за собой» [Блох, Резникова, 2006, с. 14]. Д. Р. Аكوпова отмечает, что речевое воздействие реализуется с помощью коммуникативных стратегий и тактик, «суть которых состоит в работе над знаниями адресата, над его ценностными категориями, эмоциями, волей. Коммуникативной стратегией можно назвать совокупность мер по реализации коммуникативных намерений говорящего, при разработке которых учитываются условия, в которых протекает

коммуникация» [Акопова, 2013, с. 403]. Основой речевого воздействия является стратегия.

Термин «речевая стратегия» впервые появился в 80-х годах XX столетия, но до сих пор не существует однозначного понимания его. М. Л. Макаров под речевой стратегией понимает «цепочку решений говорящего, его выборов определенных коммуникативных действий и языковых средств» [Макаров, 2003, с. 192]. О. Н. Паршина считает, что речевой стратегией является «определенная направленность речевого поведения в данной ситуации для достижения цели коммуникации» [Паршина, 2005, с. 19].

О. С. Иссерс, с функциональной точки зрения, выделяет основные и вспомогательные стратегии. Основные стратегии также называются семантическими или когнитивными, «которые непосредственно связаны с воздействием на адресата, его модель мира, систему ценностей, его физическое и интеллектуальное поведение» [Иссерс, 2006, с. 106]. Например, стратегии подчинения, дискредитации и тому подобные. Вспомогательные стратегии могут быть разделены на прагматические (формирование эмоционального настроения, построение имиджа), диалогические (контроль над темой или инициативой) и риторические (драматизация, привлечение внимания). Учёный считает, что «вспомогательные стратегии способствуют эффективной организации диалогового взаимодействия, оптимальному воздействию на адресата» [Там же, с. 106]. Стратегия может реализоваться посредством тактик, которые служат практическим инструментом говорящего. Тактики осуществляются с помощью коммуникативных ходов. А. Д. Самойлова рассматривает речевую тактику как «практическую реализацию микрозадачи адресанта посредством выбора языковых средств, значение которых помогает её достигнуть» [Самойлова, 2008]. О. С. Иссерс утверждает, что речевая тактика — «одно или несколько действий, которые способствуют реализации стратегии» [Иссерс, 2012, с. 55].

В целом, мнения исследователей по вопросу определения речевой тактики совпадают. В своём исследовании мы определяем речевую стратегию как

намерение, замысел, интенцию говорящего, речевую тактику—конкретные способы реализации стратегии.

В современной научной литературе отсутствует единообразная классификация стратегий и тактик в политической речи. В основе всех классификаций тактик и стратегий политической речи лежит типология, предложенная ещё Аристотелем.

О. В. Гайкова разграничивает аргументативные и манипулятивные стратегии [Гайкова, 2003]. Ю. М. Иванова на основе анализа политического дискурса политиков США выделяет следующие стратегии: варьирующая; аддитивная; интродуктивная [Иванова, 2003, с. 8]. О. С. Иссерс анализирует стратегии самопрезентации и дискредитации в процессе политического дискурса [Иссерс, 2008, с. 100]. О. Л. Михалева рассматривает три вида стратегий: на повышение; на понижение; на театральность [Михалева, 2009].

О. Н. Паршина предлагает следующую классификацию основных стратегий, используемых политиками:

- 1) самопрезентация (построение политического имиджа);
- 2) манипулирование (речевые уловки для убеждения адресата занять позицию оратора обманным путём, несмотря на несостоятельность логического либо фактического обоснования вопроса);
- 3) самозащита (убеждение в несостоятельности различного рода обвинений);
- 4) информационная и интерпретационная стратегия (процедура информирования граждан о важных социальных, политических, экономических событиях);
- 5) аргументативная стратегия (убеждение с помощью аргументов) [Паршина, 2005].

Немаловажную роль отводят стратегии убеждения в политическом дискурсе, поскольку главная цель политиков убедить, склонить на свою сторону аудиторию. В рамках этой стратегии выделяются основные тактики:

1) тактика аргументации (требует от политика обширных знаний, которые можно привлекать в качестве аргументов для ослабления влияния оппонентов, тем самым повышая свой статус),

2) тактика намёка (помогает косвенно влиять на аудиторию, создавая для них иллюзию выбора, чтобы они не ощущали давление со стороны адресанта),

3) тактика прямого убеждения путём представления негативных последствий обратных действий (самая действенная, так как обозначает проблему максимально реалистично, рисуя перспективы (как правило, негативного характера), что позволяет повлиять на изменение мировоззрения адресанта; ещё одно достоинство данной тактики — возможность заработать авторитет у аудитории, чтобы далее применять другие тактики убеждения) [Гарельская, 2019].

В анализируемом материале В. В. Милонов чаще всего прибегает к вспомогательным речевым стратегиям (по О. С. Иссерс), а именно к риторическим, прагматическим, к стратегии самозащиты (по О. Н. Паршиной), к стратегии убеждения. Стратегии и тактики в рамках определённых стратегий реализуются при помощи набора лексических единиц соответствующей тематике установки и модели конечной реакции адресата сообщения, эмоционального настроя, стилистических приёмов и средств языковой выразительности. Рассмотрим их реализацию подробнее на примерах.

Из спектра риторических (вспомогательных) стратегий политик в своей речи использует *драматизацию* и *привлечение внимания*, поскольку они эффективно действуют на публику, помогают ему встать на один уровень с аудиторией в эмоциональном плане, создают ему образ равнодушного к существующим морально-нравственным проблемам в современном обществе.

«Феминизм — Троцкий в юбке. Я каждый год праздную день смерти Троцкого и храню маленький ледоруб с детства. Вот... Поэтому думаю, что феминизм — это абсолютно негодяйская... э-э-э... негодяйская вещь. Феминизм, анти..., анти..., как это сказать, чайлдфри движение, но я не говорю,

что *чайлдхэйт*, понятно, что это просто конченные мрази. Вот. Но *чайлдфри* и *феминистки*, конечно, люди с серьёзными... *серьёзно поехавшие кукухой*» [7].

В годы революции и Гражданской войны Л. Д. Троцкий был важной фигурой, как и многие прославившиеся в это время революционеры и партийные деятели, поэтому их образ был возведён в некий культ. В исторической науке есть точка зрения, что большевистские культы деятелей революции — это «перевернутые» варианты христианского культа святых. Поэтому после завершения деятельности такой культовой личности неминуемо наступало развенчивание, осквернение «святыни».

В. В. Милонов в своей речи посредством авторской метафоры «феминизм — Троцкий в юбке», пытается выставить в негативном свете современное общественное течение. Также этим он привлекает внимание общественности к феминизму как к социальной болезни, причём болезни психического направления («серьёзно поехавшие кукухой»). Призывая тем самым к тому, что её нужно прекратить лелеять, так как она негативно влияет на формирование нравственных ориентиров современных молодых людей (особенно женского пола), поэтому порождает наиболее опасные формы (подобно мутациям) своего существования — *чайлдфри*, *чайлдхэйт*. Это вписывается в общую позицию единослова в вопросах семьи, нравственности.

Фигура Л. Д. Троцкого неслучайно была выбрана В. В. Милоновым. Особенно он подчёркивает хранимый с детства ледоруб как материальное воплощение обесценивания силы влияния на граждан Л. Д. Троцкого и факт празднования даты смерти революционера как конец эпохи его «вождизма». Этим он акцентирует внимание аудитории на том, что с Л. Д. Троцким было покончено много лет назад, троцкизм (тоже когда-то был формой общественной болезни) не смог закрепиться в умах русских людей, потому что была проведена правильная идеологическая работа на высшем уровне. Следовательно, в настоящее время можно пойти по тому же пути, если политики присоединятся к его позиции.

Такая развёрнутая метафоризация выполняет в данном отрывке речи В. В. Милонова драматическую роль. Художественными возможностями языка, привлечением советской истории (как правило, сейчас этот период воспринимается в обществе как негативный) политик старается нарисовать образ трагического будущего, которое неизбежно приближается (буквально Россия уже одной ногой в нём), — антиморального, античеловеческого, антихристианского. Поэтому так много лексем используется со значением «анти» в негативном эмоциональном спектре. Слова разговорного, сниженного порядка также способствуют созданию этой драматической картины настоящего, помогают «сгущать краски», открывая аудитории трагические перспективы («<...> феминизм — это абсолютно <...> негодяйская вещь», а «негодяи» всегда воспринимаются порядочными гражданами как опасность, преступники против общественного спокойствия).

Немаловажная особенность речи В. В. Милонова — создание максимально негативного образа. Это тоже способ привлечения внимания к социальной проблеме, по его мнению, что также помогает драматизировать и демонстрировать трагические перспективы, если уже сейчас не изменить траекторию поведения, перестать быть такими равнодушными гражданами, какими россияне являются в настоящее время.

«То, что возникновение СПИДа, *шествие СПИДа по планете равно шествию распространения гомосексуализма*— это правда. Если бы не они, не было бы. *Это кара*» [3].

В данном фрагменте речи В. В. Милонова также прослеживается стратегия драматизации. Конструкцией «шествие СПИДа по планете» он старается подчеркнуть масштаб проблемы, угрозы как моральным устоям, так и физическим показателям здоровья нации. «**Шествие**» — лексема высокого стиля, характерная для поэтической речи, чаще всего используется в отношении торжественных мероприятий (например, Первомайское шествие); лексема обозначает процессию, торжественное прохождение, подчиняющееся особым ритуалам. Такой конструкцией Милонов хочет показать, что распространение

Синдрома иммунодефицита имеет такие серьёзные масштабы в современном мире, что можно приравнять его к королевской персоне, занимающее главенствующее положение среди других болезней человечества. Безусловно, здесь видна ирония парламентария. По его словам, шествуют и СПИД, и гомосексуализм (последний и привёл к распространению болезни) как важные персоны, но это ложно важные персоны. Эта болезнь дана людям как кара, как наказание за то, что отступили они от заветов Божьих, сошли с пути праведного, допустив возникновение и такое массовое распространение гомосексуализма — такой же общественной болезни, по мнению В. В. Милонова, поэтому он так активно борется с его искоренением (в том числе и на законодательном, и на пропагандистском уровнях). То есть гомосексуализм — катализатор, запустивший физическое разложение людей (в виде серьёзной, неизлечимой болезни). Первопричиной же является то, что современные (либерально настроенные, по словам политика) граждане перешли на сторону Лукавого, поддавшись искушению, занявшись всевозможными грешными делами. Однополюе отношения также фигурировали в библейской притче о Содоме и Гоморре. В итоге, эти города за разврат и грехи были наказаны Господом. Апеллируя к священным текстам, В. В. Милонов призывает одуматься современников, встать на путь истинный, иначе Россию (да и другие государства) ждёт подобная кара. СПИД, по его мнению, — это первая стрела божьей кары.

В анализируемом фрагменте речи отчётливо видна попытка драматизации ситуации распространения СПИДа. Посредством религиозных отсылок и приёма иронии политик рисует образ катастрофы, который становится только страшнее из-за бездействия либерально настроенных политических деятелей и попустительского отношения избирателей. Таким образом, В. В. Милонов пытается исполнить роль крестоносца, несущего в народ Слово Божье, наставляет речью на праведный путь, напоминая и о спасении души. Также он примеряет на себя роль, подобно драматическому актёру, спасителя общества и

каждой души человеческой, кто внемлет его словам, открестившись от неправедных мыслей и образа жизни.

Ещё один пример реализации стратегии драматизации можно увидеть в этом же интервью с К. Собчак в 2017 году:

«В. В. Милонов: *Фашисты шли — за ними мыли улицы. Украинские агрессоры шли по Донбассу, и после них мыли улицу.*

К. Собчак: А вы не думаете, что кому-то после вас захочется помыть улицу или хотя бы студию?

В. В. Милонов: Да помойте! Может, *польза будет от этого либерала*, который улицу хоть раз в жизни помоет. Мост имени героя России Ахмата-хаджи Кодыра, который пал смертью храбрых за единство нашей нации... а-а-а... <...>*Нужно просто отмыть от ЛГБТ, от всех либералов»* [3].

Парламентарий пытается драматизировать ситуацию распространения ЛГБТ-движения в России и в Чечне, что оскверняет историю, культуру и традиции этих политических единиц, поэтому используя в метафорической функции лексему «мыть», пафосно призывает избавиться навсегда от гомосексуализма как порождения либерального правительства и либеральных западных стран. Ведь, если в нашем государстве уже сейчас такая проблема существует и масштабируется, то это неминуемо приведёт к ещё большей катастрофе.

Проблему гомосексуализма Милонов ставит в один ряд с фашизмом прошлого столетия. События в Украине в период 2013–2017 года для него сродни катастрофе XX века. Боевые действия на Донбассе окрашены тем же фашистским колером, поэтому необходимо бороться с этим. Смыть, стирать с лица земли это явление. Поскольку фашизм – явление западно-европейское, Украина в военных операциях поддерживается западными государствами, поэтому ей также навязывается фашистская идеология. ЛГБТ-движение тоже пришло из либеральной Европы, именно поэтому необходимо очистить мир, в первую очередь Россию, от этого наваждения.

В метафоре «отмыть» также видна отсылка к ритуалу омовения покойника перед погребением. Он существовал в мифологический период, сохранился и после принятия христианства. Тело омывали, очищали и буквально, и в ритуальном контексте — очищение от прижизненных грехов, подготавливая к переходу в иной мир. Это тоже является формой символической смерти. По мнению В. В. Милонова, «отмыв», очистив тело и душу России (и всего мира) от ЛГБТ и либеральных деятелей, прекратятся распри, бои, люди, наконец, вспомнят, что все они братья и сёстры, дети Господа, тогда восстановится тот мир, который призывает создать нас Библия.

Помимо драматизации и привлечения внимания из вспомогательных стратегий Милонов использует прагматические:

1) *формирование эмоционального настроения адресата,*

2) *построение своего имиджа*— человека религиозного, обеспокоенного моральным обликом России, граждан РФ (особенно жителей родного Санкт-Петербурга).

В связи с этим он так ратует за законодательные меры, позволяющие формировать максимально консервативное общество, думающее о душе в религиозном плане, стремящееся жить в рамках традиционной (прежде всего христианской) модели. А все, кто не вписывается в эти рамки, по мнению, В. В. Милонова, — моральные преступники, грешники, «содомиты», погрязшие в дозволенном сверху (от государственного института власти) разврате (отсюда однополые браки, самоопределение в рамках сексуальной ориентации).

Стратегия *эмоционального настроения* в риторике В. В. Милонова помогает влиять на аудиторию, потому что он старается «нарисовать» максимально негативный образ вокруг существующей проблемы политического толка. Это необходимо для того, чтобы адресат проникся этим образом, активизировать давно забытый патриотический настрой в наших гражданах.

«Я сейчас не вижу условий для заключения мира с Украиной. Мир может быть только с той Украиной, которая откажется от своей преступной сущности. По сути, это будет уже не та Украина. В том виде, в котором она

сейчас существует, это государство с преступной природой. С кем заключать мир? С мэром Днепропетровска, который призывает уничтожить русских? Лично я не вижу никаких возможностей для того, чтобы садиться за стол для заключения мирных соглашений. Они совершили много преступлений и должны понести наказание» [8].

Стратегия эмоционального настроения реализуется посредством тактики учёта ценностных ориентиров аудитории через набор лексем, относящихся к тематической группе «преступление – наказание». Это такая особая, ментальная группа для русских людей, воспитанных классическими художественными текстами (Евангелие, особая отсылка к романам Ф. М. Достоевского), где принято, что русский человек, пройдя испытания страданиями — физическими ущемлениями и морально-нравственной рефлексией— должен быть наказан за своё, не вписывающееся в рамки традиционной модели поведение. Но именно в этот момент происходит катарсис, что позволяет личности встать на путь истинный, праведный.

Поэтому в таком небольшом отрывке речи депутата так много лексем «преступление», «наказание». Он видит в поведении Украинского государства (и его правительственной верхушки) тех, кто преступил законы — общечеловеческие и юридические. Это отступление связано с тем, что Украина вступила в тесную связь с другими государствами, настроенными против России в своём стремлении к её уничтожению. И, обращая внимание россиян на то, что сейчас невозможно договориться с нынешней Украиной, потому что она сошла со своего праведного пути, В. В. Милонов, подобно проповеднику, желает наставить правительство Украины на богоугодный путь, позаботиться о душе своих граждан. А до тех пор, пока оно этого не сделает, «похабный мир» (то есть оскверняющий души России и россиян, извращённый, небогоугодный), по словам В. В. Милонова, невозможен.

Стоит обратить внимание, что к категории «преступления» относит парламентарий именно Украину, её руководящую элиту, а вот русских людей он наделяет качествами жертвы. Это тоже классическая библейская модель: Иисус

добровольно принял страдания за всех людей, Россия также сейчас стоически переносит страдания, чтобы после обрести мир в библейском понимании. Таким образом, В. В. Милонов пытается создать эмоциональный настрой получателя сообщения: после любого страдания всегда наступает облегчение, но не стоит разобщаться, становиться в такую же позицию как у Украины сейчас (метафора обретения некоего рая на земле).

Немаловажен в этом фрагменте речи политика и призыв к Украине покаяться и встать на путь исцеления своей души, на праведный путь (подобно тому, как поступил Родион Раскольников в романе «Преступление и наказание»: покайся всему миру и представителям закона, он смиренно принимает своё наказание в виде сибирской каторги, тем самым исцеляясь и снова обращая свою душу к Богу).

«Когда капитулирует вся эта *бандитская сволочная верхушка*, которая в Киеве сейчас находится. Мир можно заключать с народом, с людьми. А Зеленский не человек. *Поганая преступная рожка*, какой с ним может быть мир? От Зеленского — только сдача в плен. Только она его спасёт от тотальной зачистки. Потому что столько крови проливать, сколько он пролил...<...> Я не думаю, что современное общество настолько гуманно, чтобы *прощать преступников*. Это действительно *военный преступник*, я сравнил бы его с *нацистским преступником*. Я не думаю, что у нас в традиции *гитлеровских преступников и палачей прощать*. Уверен, что его ждёт трибунал. И это самое лучшее, что может ждать Зеленского, потому что объяснить людям, которых сейчас продолжают убивать в Донбассе, почему Зеленский хочет продолжения своей комфортной жизни, я не знаю. Комфортной жизни он точно не заслуживает, потому что перешёл все мыслимые рубликоны. И потому, *в моём понимании, Зеленский самый, что ни на есть, военный преступник, который не заслуживает сейчас никакого снисхождения*» [8].

Развивая своё мнение о конфликте России и Украины, политик подчёркивает, что взаимоотношения двух стран на данном этапе невозможно урегулировать мирным, гуманным, цивилизованным путём. Причину этого

В. В. Милонов видит в фигуре В. В. Зеленского. В своей речи он продолжает рисовать образ Украины как мировой преступницы, наделяя и её главу чертами преступника, от которого и исходит инициатива формирования такой репутации страны. Поэтому В. А. Зеленский именуется «военным преступником» и ставится в один ряд с фашистами нацистской Германии в период Великой Отечественной войны.

Апелляция к серьезному историческому событию XX столетия неслучайна в речи парламентария. Для всех русских людей война вшита в культурный код, а фашизм, нацизм подобно красным флагам, автоматически воспринимающимся как негативное явление, несущее смерть, античеловеческую позицию — в целом, как нездоровое общественно-политическое явление. Подобно нацистам в прошлом веке, искоренявшим отдельно взятый народ — евреев, — современная Украина пытается уничтожить русских людей как нацию, ведя активные боевые действия. В. А. Зеленский в этой модели уподобляется Гитлеру, которого признали преступником против человечества. Для подтверждения этой позиции в речи В. В. Милонова к центральной категории «преступление» добавляются эпитеты в стилистике «бандитских» девяностых годов, когда язык окрасился жаргоном, стал рекетоподобным: «эта бандитская сволочная верхушка», «поганая преступная рожа», «тотальная зачистка». Использование таких стилистических сочетаний также играет важную роль в формировании эмоционального настроения аудитории, потому что любое исторически и культурно значимое явление имеет отпечаток в сознании нации. И война, и нестабильные, переломные «девяностые» сформировали определённый образ в русском сознании — это негативные маркеры: война — уничтожала множество людей, в бандитских перестрелках также погибало много людей; война является тем, что идёт против человечества, преступления незаконнослушных людей также попрание чести и прав праведных в юридическом и гуманистическом контексте.

Опыт Великой Отечественной войны как серьезного военного потрясения отразился на восприятии русских людей, поэтому любые отсылки к

сопутствующим явлениям (в данном случае нацизм) воспринимаются негативно адресатом, вызывая в его сознании патриотический настрой – желание защищать свою Родину, культуру, обеспечивать мирное существование граждан. Поэтому подобный пафос речи политика напоминает агитационные высказывания идеологов СССР, а сам В. В. Милонов начинает примерять на себя роль не только проповедника, но и агитатора — из религиозной плоскости переносит себя в общественно-политическую.

Наделяя свою речь военно-патриотическим пафосом, В. В. Милонов употребляет лексемы военной тематики («капитулировать», «мир», «заклучение мирных соглашений», «сдача в плен», «трибунал», «перешёл все мыслимые рубиконы»), которые также помогают ему провести чёткое разделение на «своих» (в позиции страдающих) и «военных преступников» (Украина, как главное олицетворение зла — В. А. Зеленский).

Включение в свою речь этих лексем обусловлено стратегией усиления эмоций адресата, ведь Украина — инициатор военных действий, в результате которых гибнут люди, нестабильная ситуация в целом, поэтому Милонов намеренно создаёт образ Украины и Зеленского как олицетворения возглавляемого государства агрессивных, занимающихся ущемлением и дестабилизацией мирного существования человечества.

Интересная трансформация крылатого выражения «перейти Рубикон» происходит в речи политика. Вообще фразеологизм означает точку невозврата, бесповоротное решение, отсылает к истории начала гражданской войны в Италии в 49 году до нашей эры, когда Г. Ю. Цезарь перевёл свои войска через реку Рубикон. Милонов добавляет во фразеологизм словосочетание «все мыслимые», что умножает уже существующие масштабы военной проблемы. Фразеологизм напрямую связан с военной тематикой, несмотря на свою иносказательность в языке (что позволяет его употреблять в разных темах). Используя его в контексте военных событий на Украине, депутат подчёркивает этим неизбежность кары для В. А. Зеленского, которая поставит точку в его «комфортной жизни» и бесчеловечной деятельности. Также этой фразой он

подчёркивает схожесть сюжетных линий и цикличность истории: Цезарь развязал гражданскую войну, В. А. Зеленский также возглавляет братоубийственную войну на территории своего государства, потому что это выгодно для более сильных государств, на поводу у которых и идёт Украина.

Для В. В. Милонова В. А. Зеленский «не человек», «поганая преступная рожа». Выбор таких сниженных лексических единиц для характеристики президента обусловлен формированием его негативного образа в сознании аудитории, именно в его фигуре как политического деятеля заключается корень всей современной трагедии. В текстах Древнерусской литературы «погаными» называли всех иноверцев (не христиан), врагов, совершающих набеги на русские земли (например, «Повесть о разорении Рязани Батыем», «Сказание о Мамаевом побоище»). Несмотря на то, что В. А. Зеленский обращён в христианство, В. В. Милонов его намеренно характеризует как антихристианина по той лишь причине, что он поддерживает античеловеческий вооруженный конфликт. Для снижения образа главы Украины используется лексема «рожа» — синонимичный вариант слова «лицо», в словаре имеющий помету «сниженный», «разговорный». Таким образом, украинский президент отступил от догм христианской церкви, следовательно, потерял свой человеческий облик (стал нелюбезным в морально-нравственном смысле), он стал сродни Сатане, а с такими сущностями, по мнению депутата, нельзя говорить о мирных соглашениях, потому что понимание ценностей и жизненного пути отличается.

«Сегодня Ангела Меркель, вступив в интимную связь с суккубами и инкубами из левых партий, разрешила содомские браки, разрешила похищать детей из христианских семей и отдавать их на растерзание и для сексуальных утех гомосексуалистам, спидозным содомитам. Надо, чтобы они чувствовали, что Россия не приемлет их стандарты, и никогда в жизни мы не согласимся стать Содомом и Гоморрой» [6].

Поскольку В. В. Милонов является защитником нравственных ценностей в рамках консервативно-христианской парадигмы, он апеллирует к русской

православной традиции в вопросах сексуальной ориентации и так категорично против выступает в отношении вопросов легализации однополых взаимоотношений. Поэтому он обращается к культурному коду о традиционной семье как одному из базовых элементов единения русской нации, также этим он подчёркивает русскую самость, идентичность, отличный от европейского (капиталистического в широком понимании) общества — развращённого — путь России. Европа, в частности Германия (принявшая закон о разрешении однополых браков), изобличается как великая грешница, которая не смогла устоять от искушения демонических сущностей — левых партий, — поэтому теперь она представляет особую опасность для России. Семья для русских людей — это всегда особая сфера жизни, дети воспринимаются как главная ценность. Поэтому депутат сравнивает легализацию однополых браков с официальным разрешением для преступной деятельности — похищение детей для «растерзания и для сексуальных утех гомосексуалистов, спидозных содомитов». Однополые взаимоотношения, по мнению В. В. Милонова, — это противоестественно, а также морально разлагает русское общество, поэтому с самого начала своей политической карьеры он активно пытается законодательно утвердить запрет на гомосексуализм. Он считает, что это снизит уровень развития и распространения СПИД. И гомосексуализм, и СПИД — проявления кары, потому что люди погрязли во грехе, медленно повторяя путь библейских Содомы и Гоморры. Поэтому активно призывает русских граждан занять оборонительную позицию посредством укрепления своей веры, праведных действий, что не допустит в нашей стране распространения гомосексуализма. Также он подчеркивает, что у России свой путь, Россия очень аутентичная страна, и христианская доктрина это обеспечивает ей: «Надо, чтобы они чувствовали, что Россия не приемлет их стандарты, и никогда в жизни мы не согласимся стать Содомом и Гоморрой».

Одной из важнейших стратегий для любого политика является *создание* своего *имиджа*, поскольку это демонстрирует аудитории ценности, настрой и

политические убеждения, а также помогает выделяться среди других политиков, особенно из других партий.

«На самом деле это очень хорошая идея, я помню, мы ее как-то озвучивали. Что вы хотите от *содомитов*? Хуже, если бы они хвалили Царьград, говорили, что это их телеканал. Понятное дело, что *как черт от ладана бегут содомиты от телеканала Царьград*. Вы же *действуете* практически как *правозащитники, как гуманисты*, вы предлагаете людям покинуть *ненавистную им страну, эту "рашку", с ее консервативными христианскими условиями*. То ли дело поселиться там, где им будет хорошо, в Куинсе, в Гарлеме, на Брайтон-бич, то есть там, *где они будут чувствовать себя среди своих*» [6].

Здесь можно увидеть тактику самопрезентации в рамках стратегии формирования имиджа политика, политические взгляды которого выстраиваются вокруг христианских догм. В. В. Милонов также делает акцент на том, что Россия (при этом он использует уничижительное сленговое слово «рашка», тем самым подчёркивая, что именно такое отношение к России у западных государств, где поощряется на государственном уровне легализация гомосексуализма) — это не то место для благоприятного существования представителей ЛГБТ-сообщества, поскольку есть борцы за чистоту нравственности и христианской морали в России. А именно «Царьград ТВ» — интернет-телеканал, основанный К. Малофеевым в 2015 году. Поэтому «либералы-содомиты» боятся его, «как черт от ладана бегут», поскольку телеканал ведёт свою политагитационную работу «практически как правозащитники, как гуманисты», то есть те, кто избрали себе высокую, праведную, богоугодную миссию на земле.

Себя Милонов также считает частью канала, его политические взгляды созвучны, поэтому он является одним из самых цитируемых и фигурируемых в статьях, публикуемых в новостном разделе телеканала. Его политическая позиция «консервативная христианская», некие миссионерские задачи он видит в своей деятельности и в деятельности канала — избавление русской земли от распространения гомосексуализма:

«Я готов помочь хлебушком и пирожками, в дорожку снарядить — *пирожки с ногтями какими-нибудь, чтобы они их перекусывали и не думали возвращаться назад*. Скатертью дорога, и провожать их как в Ералаше: "До свидания, Вася!". До свидания, содомиты, никогда к нам больше не возвращайтесь» [6].

Поддерживая имидж защитника русской нации, в которой отсутствует отрицаемый депутатом и представителями «Царьграда» гомосексуализм, В. В. Милонов ратует за то, чтобы выдворить всех либерально настроенных, представителей сексуальных меньшинств как источник морального разложения общества. В русской культуре (и соответственно, в языке) есть обряд встречи с хлебом и солью, сопровождающийся земными поклонами. Он выражает радостные чувства по отношению к новоприбывшим, показывает их значимость и выказывает уважение. В анализируемом фрагменте речи мы видим, как политик создаёт образ антиобряда, окрашивая негативными эмоциями традиции, которые имеют и религиозный смысл. В знак прощания с опасными для русского общества единицами предлагается снабдить хлебом, пирожками (в религиозном контексте олицетворяющими тело Христово), начинёнными ногтями, то есть буквально отравленной пищей. Этим В. В. Милонов старается нарисовать отрицательный образ антагониста-либерала (в широком смысле этого слова), которому абсолютно не рады в России, потому что он пытается навязать особенной, благочестивой России свои извращённые, греховные идеи и взгляды на жизнь. Также этим он формирует собственный облик праведного защитника, который не побоится прикладывать усилия для очищения русской земли от нечестивцев.

Принято считать, что только сатанисты либо другие чернообрядцы используют в своих ритуалах ногти, что сближает их с миром потусторонним, они служат Дьяволу. Ногти в данном случае как соответствующей этой демонической силе подношение, чтобы задобрить её. Такой модели поведения придерживались древние люди (период мифологического сознания), жизнь которых была максимально ритуализована. «Перекусывание» ногтей при

употреблении пирожков — то естественное действие для представителя иного мира, следовательно, пусть «содомиты» будут заняты своей привычной деятельностью, чем развращают, перетягивают на «тёмную» сторону Россию. Поэтому слова В. В. Милонова о собираемых в путь пирожках с ногтями — словесный ритуал по изгнанию бесов в образе либералов и гомосексуалистов с территории России.

Жизненная позиция «чайлдфри» в сознании В. В. Милонова является противоестественной. Политик позиционирует себя семьянином, любящим детей, заботящимся об их воспитании, просвещении, в первую очередь в рамках христианской морали. Поэтому зимой 2023 года в интервью он заявил о необходимости признать экстремистским движение «чайлдфри»:

«Для чистоты процесса необходимо, чтобы движение было признано экстремистским, чтобы оно стало наравне с самыми мерзкими идеологиями и воззрениями, которые неприемлемы в нашем государстве» [9]. Интервью было связано с тем, что накануне в Госдуму был повторно внесён законопроект о запрете распространения пропаганды чайлдфри среди детей.

В своих высказываниях, направленных на то, что какая-либо проблема уничтожает морально-нравственный облик России, В. В. Милонов выбирает довольно яркие лексемы, чтобы показать категоричность своей позиции, а это в свою очередь создаёт ему имидж миссионера, борца за чистоту души России. Поэтому всё, что не вписывается в его понимание благочестивой модели общества, по своей сути болезненно, вредоносно и опасно. И эпитет «мерзкие» в отношении позиции «чайлдфри» используется намеренно, чтобы продемонстрировать личную неприязнь, неприятие и помогает подчеркнуть, как это оскверняет нравственную чистоту Отечества. А также он выполняет усилительную роль в создании эмоционального фона и идеологического посыла его высказывания.

Поскольку В. В. Милонов в своём лице представляет сектор государственной власти, деятельность которого направлена на создание благоприятных условий для существования и развития института семьи, то в

его ценностной модели мира семья обязательно предполагает наличие детей. Движение «чайлдфри» является его антагонистом и представляет серьёзную угрозу для русского общества. По мнению депутата, родиной движения является либеральный мир запада, что априори наделяет всё приходящее из заграницы чертами «экстремизма» и является неприемлемым в нашем государстве.

В очередной раз он подчёркивает необходимость очищения России от противоестественных, с точки зрения христианства, догм, поэтому в анализируемом фрагменте речи выделяется словосочетание «чистота процесса». И своей деятельностью как депутата и общими усилиями после объединения русских граждан возможно создать «чистое», раеподобное государство, куда не проникнет никакое «мерзкое» явление западного порождения.

Основной посыл при выражении своей позиции, демонстрации ценностной системы взглядом в любой речи В. В. Милонова — христианско-просветительский. Комментируя в 2012 году присвоение «Дождём» премии «Серебряная калоша» в номинации «Эгегей, гегя бей!» за «отмену гомосексуализма до 2015 года», депутат подтверждает правильность выбранного вектора своей политической деятельности, а эта премия как символ признания его как «хорошего» человека.

«<...> Если уж такие персонажи как Ксюша Собчак *меня и самое главное святейшего патриарха Кирилла* этим наградили, значит, я очень рад. Но я не очень хорошо понимаю лошадиный юмор. Тем не менее, если уж такие люди считают, что мы плохие, значит, мы очень хорошие. Я посмотрел, кому эти калоши ещё вручили, и я понял, что, видимо, образ идеального человека для Ксюши Собчак – это либерально антипутинский голубой сатанист. Потому что они наградили тех, кто был *за Путина, кто за церковь, и тех, кто выступает за духовно-нравственное возрождение страны*» [4].

В традициях жанра волшебной сказки устного народного творчества — эта же модель присутствует в библейских притчах — В. В. Милонов делит

политический мир на два противоположных по взглядам и противоборствующим силам лагеря. Первый — это либералы, идущие в своих взглядах за западными странами, которые поддерживают терпимое отношение в обществе к распространению представителей сексуального меньшинства, пропаганде этого явления, особенно среди молодёжи. И эти люди, ведомые Лукавым, — «голубые сатанисты», олицетворение зла на земле, похитатели нравственных устоев (исконно русских). В частности, к этому миру («иному» по законам волшебной сказки, где господствуют злые силы, опасность, но испытания которого необходимо преодолеть герою — данная роль отводится России, — чтобы пройти инициацию, вырасти в моральном смысле, научиться брать ответственность, стать подготовленным к жизненным перипетиям) Милонов причисляет К. А. Собчак, с которой он в конфликте общественно-политических взглядов уже много лет, и это находит отражение в каждом их интервью, к лагерю антагонистов. Парламентарий старается подчеркнуть позицию К. А. Собчак, которая идёт вразрез с главным настроением существующей политической программы в России, олицетворением которой является президент В. В. Путин, поскольку он также выступает за «духовно-нравственное возрождение страны». А это уже второй политический лагерь.

Придерживаясь такой же позиции, как и президент, как и патриарх Кирилл, В. В. Милонов ставит себя в одну линию с главными представителями власти юридической и религиозной в России. Этим он возвышает свою фигуру как политика с особенными взглядами на путь развития страны.

Но поскольку, по наблюдениям В. В. Милонова, антипремию получили именно сторонники путинской программы от людей, подверженных влиянию Дьявола, это свидетельствует о правильном и праведном общественном имидже и его самого, также он пытается обесценить значимость либерально настроенных деятелей, выставляя их в максимально негативном, греховном образе.

В силу личного конфликта с К. А. Собчак В. В. Милонов старается посредством оскорбления снизить значимость её позиции как общественного и

политического деятеля, поэтому использует сочетание «такие персонажи как Ксюша Собчак», «лошадиный юмор». Насмешка, ирония, переходящие в оскорбление личности Собчак через черты её внешности, её деятельности как медийного человека, которые у россиян не ассоциируются с серьёзным подходом к актуальной общественной проблеме — пропаганда гомосексуализма. Отсюда единоросс делает вывод за аудиторию: к таким фигурам, как Собчак, не смыслящим в расстановке политических сил в нашей стране, не стоит прислушиваться, поскольку они способны продуцировать только юмор.

«— Да, *не всегда встречаю поддержку коллег*, — посетовал Виталий Милонов корреспонденту «Труда». – Ну и что? Просто *они еще не доросли до понимания важнейших проблем*.

— Сейчас в интернете люди голосуют за вашу отставку. Число проголосовавших за исчисляется уже тысячами...

— Досрочно сложить депутатские полномочия меня может попросить либо президент РФ, либо как глубоко верующего человека представитель церковной иерархии. Но никак не *тусовка содомитов*. Им не нравятся люди, *выступающие за традиционные ценности*, и они хотят убрать меня из парламента. А мне не нравятся ЛГБТ-активисты, но я же не предлагаю убрать их из города!» [5]

В данном интервью В. В. Милонов возвышает свою фигуру, демонстрирует избранность, создаёт образ инакомыслящего от преобладающего числа парламентариев, избирателей, поэтому и возникала петиция о сложении им полномочий. Он подчёркивает свой образ мыслей как достойный русского человека, потому что он основывается на традиционных христианских догмах, которые, к его сожалению, утратили его коллеги и большинство русских людей, поддавшись Змию-Западу. Но В. В. Милонов считает себя «глубоко верующим» человеком, что не сможет пошатнуть его веры и религиозных взглядов, поэтому он не встанет в один ряд с другими отошедшими от истины. Наоборот, он возвышает свою фигуру как политика, подчёркивая, что эти люди «еще не

доросли до понимания важнейших проблем». Одна из наиболее важных проблем — распространение пропаганды сексуальных меньшинств. То есть другие парламентарии духовно не прозрели (потому что по каким-либо убеждениям не являются глубоко верующими), поэтому и не могут адекватно оценить масштабы надвигающейся на Россию катастрофы — распространение гомосексуализма.

На этом выделение своей фигуры на фоне других депутатов не заканчивается. Комментируя петицию, В. В. Милонов подчёркивает, что он добровольно не откажется от поста, но будет уважать, если это решение примут два авторитета его как политика — президент и патриарх. Этим заявлением он также демонстрирует стойкость своей позиции в этой политической борьбе.

Заявляя, что ему «не нравятся ЛГБТ-активист», но при этом он не предлагает «убрать их из города», политик продолжает играть роль избранного, с единственно верными убеждениями, будто он проводник на земле, транслирующий Божьи истины, поэтому он наделён особым качеством — терпимостью. Подобно тому, как Иисус терпел, принимая смерть, для очищения от греха всех людей, так и В. В. Милонов добровольно идёт на сопротивление общественности, осознавая при этом, что она ещё не вышла из периода «тёмной» жизни, не стала разумной, ей ещё не открылись основные законы праведной жизни. При этом у депутата есть вера в светлое будущее: ещё будут его сторонники, но для этого России нужно очиститься от ЛГБТ-активистов. Такая же надежда и вера в свет душ людей прослеживается в текстах Писания, ею обладал Господь.

Борьба за внимание, влияние в сфере политики первостепенная. Поэтому каждый политик стремится дискредитировать своего оппонента, изблотив его в неверности главной политической программе государства либо на фоне ложных или имеющих негативные последствия в настоящее время действий и взглядов. Тем самым он создаёт свой имидж, выставляя себя в благоприятном свете, располагая аудиторию, убеждая в единственно верном пути — следовать его политической программе. В. В. Милонов активно пользуется стратегией

дискредитации своих коллег из «Либерально-демократической партии России». Этим он формирует свой облик благонадёжного политического деятеля. Очень ярко переплетение этих стратегий и тактик проявилось в речи политика в интервью «Фонтанке.ру» в июле 2023 года:

«<...> Вы видели выступление Андрея Лугового по поводу ситуации с Воскобойниковой? Он там говорит, что заставит вас извиниться, накажет. Планируете ли вы извиняться?

— Перед кем?

— Перед Воскобойниковой.

— За что?

— Это вопрос, боюсь, не ко мне — к Луговому.

— Я понимаю, парни обеспокоены тем, что их заставляют сейчас *из «Майбахов» в «Москвичи» пересаживаться. Риторика-то ЛДПР, я смотрю, сохраняется неизменной с 90-х годов, когда у нас весь бандитский Петербург либо депутатами, либо помощниками ходил. Но с ума что ли сошли? Воскобойникова сливала наши данные персональные в открытые источники <...> Вот это прямое нарушение закона. И поскольку, видимо, Луговой спит на заседаниях или в ресторанах жрет, он не слушает внимательно законы, за которые его фракция, в том числе, голосует. Вот мы приняли закон, по которому это делать категорически нельзя. Если Луговой с этим не согласен, он может высказать свою позицию — что ему не нравится закон, который предложил президент. Но сейчас не выполнять этот закон он не имеет права. По сути, ЛДПР сейчас встала на сторону техждунов, тех людей, которые...*

— Кого?

— *Ждуны, сочувствующие ВСУ, неважно, вольно или невольно, я еще раз хочу сказать, которые ведут деятельность, направленную на то, чтобы понизить нашу боеспособность. И создать прямую угрозу, понимаете? Что такое выложить список телефонов личных командования?*

— А она выкладывала, это точно?

— У меня есть скриншоты, которые лично она выкладывала. Я вообще не понимаю, откуда вся эта *гомосятина поперла элдэпээровская*. Вот серьезно я удивляюсь: идет проверка, очень серьезная проверка. Я не комментирую ее так обширно только потому, что не имею право это делать *как военнослужащий*.

— Я правильно поняла, что вы никаких санкций, которыми угрожал Андрей Луговой за эту ситуацию, не боитесь?

— Андрей Луговой мне может угрожать только *действиями в духе его сопартийцев 90-х годов*».[10]

Милонов реализует стратегию дискредитации посредством обвинения и уничтожения с целью нанесения ущерба имиджу своего политического противника — ЛДПР, Воскобойниковой и Лугового как её представителей. Поэтому он создаёт их портреты как тех деятелей, которые даже в современной России продолжают жить по принципам «бандитского Петербурга», подчёркивает их нелегальную деятельность и то, что они не чтут букву закона, отступая от документов, принятых на высшем политическом уровне.

Параллельно создавая свой имидж современного гражданина, парламентарий использует сленг «сливала», «ждуны», «скриншоты». Это обусловлено тем, что В. В. Милонов старается быть ближе к народу, показать, что он такой же обычный человек, не просто желающий улучшения жизни в России, но и имеющий возможность как политический деятель, хотя и ему нужна поддержка аудитории. А также это демонстрация того, что члены ЛДПР как либерально настроенные люди не заслуживают в свой адрес нормативной, академической речи.

Также процесс дискредитации представителя ЛДПР происходит за счёт указаний на профессиональную непригодность и невыполнение прямых обязанностей парламентария: «Воскобойникова сливала наши данные персональные в открытые источники <...> Вот это *прямое нарушение закона*. И поскольку, видимо, *Луговой спит на заседаниях или в ресторанах жрет*, он не слушает внимательно законы, за которые его фракция, в том числе, голосует». Указывая на недостатки Лугового, апеллируя к его естественным

биологическим потребностям, Милонов использует стилистическое нагнетание. Глагол «спит» стилистически нейтральный, но он, как первая ступенька, в обвинительном предложении В. В. Милонова, так как следом идёт уже стилистически окрашенный глагол «жрет», наделённый сниженной коннотацией, что и демонстрирует экспрессивность речи политика. Не стоит забывать, что В. В. Милонов — человек религиозных взглядов, поэтому этим нагнетанием он делает отсылки к Евангелию. Глаз Божий всегда открыт, чтобы следить, наставлять, направлять, ободрять своих земных чад, поэтому, пропуская важные политические активности на заседаниях, Луговой отдаляется от праведного пути, угождая своей физиологии, а не заботясь об Отечестве.

Либеральные взгляды, личные вольности, паттерны поведения, закрепившиеся еще в переломные годы прошлого столетия, стали подобно пелене на глазах оппонента В. В. Милонова, поэтому он не видит ложности этого политического пути – он перестал видеть истинную Россию и её путь. Чревоугодие — ещё один библейский грех. Поэтому В. В. Милонов использует словосочетание «в ресторанах жрёт», этим он старается подчеркнуть, что чревоугодие в случае с политической деятельностью Лугового даже серьёзнее, чем помутнённый взгляд (хотя политику необходимо быть максимально собранным и наблюдающим, чтобы быстро реагировать и корректировать политические действия, поэтому политики и военное командование на одном уровне находятся). Также в этом словосочетании место приёма пищи — ресторан — показателен. Это отсылает к наследию советской идеологической речи, где в негативном свете выставлялись «буржуи», набивающие животы в ресторанах, а не работающие на благо страны и не предпринимающие действия по созданию заветного социализма и коммунизма, дистанцируясь на материальном уровне от народа. В. В. Милонов старается реализовать стратегию дискредитации указанием на то, что Луговой — частый посетитель ресторанов, так как это прямая отсылка к экономике и так называемым «деньгам народа», на которых якобы наживаются политики, совершенно не беспокоящиеся о развитии страны.

Создавая максимально негативный портрет своего оппонента, В. В. Милонов возвышает свою фигуру как политика, работающего на благо государства, честно исполняющего свои обязанности и даже сверх, потому что он является участником СВО, активно борющегося и за военную безопасность России в отличие от членов партии ЛДПР. *«Ждуны, сочувствующие ВСУ, неважно, вольно или невольно, я еще раз хочу сказать, которые ведут деятельность, направленную на то, чтобы понизить нашу боеспособность. И создать прямую угрозу, понимаете? Что такое выложить список телефонов личных командования?»*. В. В. Милонов всячески старается подчеркнуть противозаконность деятельности членов ЛДПР. Воскобойникова в сети выложила персональные данные (телефоны, переписки) военных, участников операции, политических деятелей. Поэтому создаётся образ врага в лице депутатов от ЛДПР, так как они преступили законы: раскрытие военно-политической и личной информации, что влечёт за собой угрозу безопасности России. Для аудитории, кем являются простые граждане, безопасность на всех уровнях жизни — приоритет.

Также это способ подчеркнуть некомпетентность как депутатов: *«Вот мы приняли закон, по которому это делать категорически нельзя. Если Луговой с этим не согласен, он может высказать свою позицию — что ему не нравится закон, который предложил президент. Но сейчас не выполнять этот закон он не имеет права»*. В данном фрагменте речи есть тактика игры в демократию. Поскольку Россия — демократическое государство, а парламент — миниатюрная модель демократического характера, то любые законы принимаются посредством голосования и обсуждений. Закон о неразглашении государственной и личной информации был принят именно так — в соответствии с установленной процедурой, — но Милонов указывает на то, что Луговой, будучи занят личными «грехами», не отнёсся серьезно к этому вопросу. Поскольку у нас демократическая страна, он позволяет члену ЛДПР высказать своё отрицательное отношение к закону, но тут же в сложноподчинённое предложение включает фигуру президента, показывая то,

что инициатива о принятии данного закона исходит от В. В. Путина, поэтому необходимо подчиниться этому. Подытоживая это, Милонов выносит буквально приговор: у Лугового и его сопартийцев нет другого пути, кроме как следовать принятому закону и не подвергать безопасность страны негативному влиянию военных противников.

«— Вы тогда пришли к Воскобойниковой. Луговой заявил, что вы якобы прямо на нее напали. Как было дело, можете рассказать?

— Напал? Господи! Но Луговой же этого не видел. *Луговой и его товарищи сидят в красивых итальянских костюмах в Москве, а не воюют здесь. Я готов Лугового здесь принять, на линии боевого соприкосновения, если он доедет, конечно. С его свитой банно-прачечной элдэпээровской.* Пожалуйста, приезжайте, расскажем. И наши солдаты расскажут им, что в результате деятельности их активистки нам пришлось предпринять и как мы расцениваем их деятельность. Ко мне уже *подходят мои товарищи и говорят, что ЛДПР не получит ни одного голоса на выборах. Ни одного голоса военных у них не будет.* <...> *У меня тут каждый день ситуации, просто нет времени заниматься бредятиной, которую из себя извергает Луговой или его начальник.* Я понимаю прекрасно, почему его начальник, чувствуя себя униженным яркими оценками некогда очень популярных военных политиков в нашей стране, чувствует в себе необходимость мстить всему миру. Тем не менее, Бог с ним.

— Вы что-то планируете предпринимать в этой ситуации?

— В развитие этой ситуации (поправляет «Фонтанку» Виталий Милонов. — Прим. ред.) — не потому, что она *подняла с ее партийными спонсорами какой-то писк или визг.* Меня это, честно говоря, не очень интересует. Понятно, что ЛДПР не разобравшись... Вернее, *местная ячейка ЛДПР, [координатор Донецкого регионального отделения ЛДПР Андрей] Крамар и так далее, решили пропиариться и, я уверен, просто обманули свое федеральное руководство»* [10].

Милонов продолжает делить участников политики на два лагеря, уподобляя парламент военной площадке, где в противостоянии диаметрально

противоположные по взглядам и действиям участники. Но теперь депутат добавляет эмоциональности в свои слова, чтобы воздействовать на патриотические чувства аудитории, а также пытается разоблачить парламентариев в ложных обвинениях в свой адрес.

В связи с тем, что В. В. Милонов — активный участник боевых действий в зоне СВО, то он представляет себя как равного всем солдатам, подчёркивая близкое товарищество с командованием. Именно в этой среде он уже заручился политической поддержкой своей фигуры, а также подчёркивает негативное восприятие своих коллег-политиков из ЛДПР. Поскольку представители ЛДПР нарушают закон, подвергают опасности страну, обнародуют конфиденциальную, государственную информацию, они сами формируют свой образ нелюбимого предателя в такое тяжёлое для страны время. В. В. Милонову даже нет необходимости предпринимать какие-то специальные действия и по-особому строить свою риторику для дискредитации их образа, на фоне которого он возвышает свой статус для аудитории.

Для любого партийного политического деятеля вопрос о количестве голосов, поддержки на выборах всегда стоит остро. В. В. Милонов, передавая мнение воюющих на территории Украины, специально разрушает доверие к ЛДПР, завуалированно агитируя читателей не отдавать свои голоса за эту партию, так как военное командование уже приняло своё решение на этот счёт: «...мои товарищи и говорят, что ЛДПР не получит ни одного голоса на выборах. Ни одного голоса военных у них не будет». Но при этом его фигура как политического деятеля остаётся чистой, будто в стороне, так как он лишь подобно проповеднику открывает глаза людей на истинное положение дел закулисной борьбы.

Характерно для В. В. Милонова и то, что он старается обозначить свою занятость, которая создаёт и образ его значимости в государственных делах (которые он старается реализовать в разных сферах деятельности): «У меня тут каждый день ситуации, просто нет времени заниматься бредятиной, которую из себя извергает Луговой или его начальник». Придерживаясь традиционной

модели деления людей на «своих» и «чужих» (вторые ведут неправильный, несправедливый, опасный для государства образ жизни), политик использует для (и, следовательно, всей России) антагонистического лагеря просторечную лексему «бредятина». Она содержит в себе семантическое ядро «бред», которое в первом своём значении используется для передачи наличия симптомов психического расстройства, заболевания мыслительной деятельности. Таким образом, Милонов оскорбляет способность членов ЛДПР к разумному поведению, достойному гражданина России и политика вообще. Словообразовательный суффикс «-тин-» (для существительных женского рода) содержит в себе значение завершённости, результата действия. Поэтому выбор такого слова для своей речи политиком обусловлен намерением уничтожить образ адекватного политика и его деятельности, который пытается сохранять, по мнению В. В. Милонова, Луговой, подчёркивая суффиксом окончательно испортившееся мышление «местной ячейки ЛДПР».

Стоит обратить внимание на то, что «бредятину» Луговой и его руководство «из себя извергает». Выбор такой лексики неслучаен. Как правило, её используют в сочетании с лексемой «вулкан», когда говорят о природном явлении. Зачастую извержения оказываются настолько мощными, что наносят урон людям, имеют и человеческие жертвы. Использование в речи таких лексем позволяет не только сформировать в сознании адресата негативный образ политического противника, но и подсознательно демонстрирует опасность, губительный характер его деятельности в том случае, если противник будет поддержан как политический лидер. Не стоит забывать, что подобие извержения вулкана стало физическим наказанием для библейских городов (их покрыла сера и пепел с неба, по ветхозаветному описанию) за то, что жители их вели греховный образ жизни. Легенда Содомы и Гоморры очень важна в риторике В. В. Милонова, она является олицетворением неправильного, либерального типа политики, что в свою очередь выступает губительным путём для России. Поэтому парламентарий всячески делает отсылки к этому подобно

человеку, транслирующему истину, наставляющему на верный путь, что является неким нейролингвистическим программированием аудитории.

Осознавая, что простым людям в тяжелые времена (особенно в периоды военных конфликтов) необходима твёрдая опора, уверенность в завтрашнем дне, надежда на мир, В. В. Милонов своей речью демонстрирует, что он именно такой политик: спокойный, дальновидный, поэтому каких-то расправ и наказаний серьезных он предпринимать в отношении Лугового и других членов ЛДПР не намерен в отличие от оппонентов («чувствует в себе необходимость мстить всему миру»). А как верующий человек, он отдаёт это всё в руки Господа, завершая высказывание фразой: «Тем не менее, Бог с ним». Депутат старается показать свой образ стоящего выше в политической иерархии, более умного политика, используя в отношении Воскобойниковой лексемы «писк» и «визг» («она подняла с ее партийными спонсорами какой-то писк или визг»). Семантика этих слов — неблагозвучность, низкие тона. В разговорной речи зачастую их используют в сочетании с лексемами «мышь», «крыса», что приобретает негативные экспрессивные коннотации. В. В. Милонов пытается создать образ крысиной стаи в лице участников событий из партии ЛДПР, тем самым обращая внимание аудитории на то, что Воскобойникова и «партийные спонсоры» не заслуживают того, чтобы прислушиваться к ним. На этом фоне его политическая фигура выставляется в лучшем свете, тем самым он формирует свой авторитет.

Таким образом, речь В. В. Милонова изобилует оценочными, эмоционально-экспрессивными лексемами, его словарный запас складывается как из единиц нормативного языка, так и ненормативной лексики, разговорной, сниженной, жаргонной и сленговой. Депутат активно использует различные возможности для метафоризации своей речи, чтобы сделать её более яркой, образной, что помогает достигать главной задачи политического дискурса — воздействие на адресата сообщения.

Выводы по второй главе

Виталий Валентинович Милонов в своей речи прибегает к стратегиям убеждения, самозащиты, драматизации и привлечения внимания, формирования эмоционального настроения адресата, построения своего политического имиджа. Для их реализации парламентарий привлекает лексику оценочного, стилистически окрашенного характера: разговорную, просторечную, сниженную, сленг. Также риторика политика метафорична, отсылает к тексту Священного Писания.

Главная задача любого высказывания депутата — демонстрация исключительного обладания истинным знанием о том, какой должен быть путь у современной России. В связи с этим В. В. Милонов апеллирует к главным ценностям аудитории (простые граждане): семья и благополучие детей, мир и военная безопасность, нравственные и духовные ценности. Реализовать это деятелю помогает активное использование метафор (в том числе авторских, трансформаций, существующих в языке), градаций, он пользуется богатством русской фразеологии и словообразования. На синтаксическом уровне использует объёмные предложения сложноподчинённого типа, чтобы продемонстрировать свой «вес», значимость и осведомлённость в актуальных вопросах, владение языковыми нормами.

Отличительная особенность политической риторики В. В. Милонова — формирование своего имиджа политика, уподобляемого проповеднику, гуманисту и даже миссионеру. Через этот образ он старается дискредитировать своих оппонентов с либеральными взглядами на путь развития РФ, ведь, по его мнению, России необходимо вернуться к исконным христианским нормам морали, поддерживать свою идентичность посредством заботы о нравственном облике. Дискредитируя и уничтожая политический облик либеральных политиков, В. В. Милонов тем самым поддерживает свой политический статус, зачастую прибегая к стратегии самозащиты и создания портрета на фоне негативного образа противника. Всё это наполнено эмоциональным опытом и откликом самого депутата, что порождает экспрессивность его речи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На современном этапе развития отечественной лингвистики отсутствует общепринятое определение понятия «экспрессивность». Исследование построено с опорой на концепцию Д. С. Писарева, который рассматривает экспрессивность как воздействие на адресата, наделённое конкретной целью, также в основе выведенного определения — впечатляющая сила высказывания, его эстетическая и выразительная составляющие. Экспрессивность содержит в себе образность, оценочность, персуазивность.

Выпускная квалификационная работа представляет собой опыт исследования экспрессивных языковых средств в политическом дискурсе на примере политической риторики В. В. Милонова.

Использование экспрессивных языковых средств проявляется и на уровне проблематики интервью, и на уровне употребления оценок, выражающих позицию автора, и на уровне отбора лексических средств. Несомненно, первый аспект продиктован не только личностью депутата. Отбор тем, поднимаемых в интервью, определяется как существующей действительностью, так и политикой руководства СМИ-издания. Следовательно, личностная позиция В. В. Милонова проявляется в отборе фактов и аргументов, а особенно в их подаче и комментариях к ним.

Именно оценочность является основной особенностью высказываний исследуемой языковой личности. Оценка пронизывает всю речь депутата. Зачастую эта оценка абсолютна, что характеризует В. В. Милонова как человека, предпочитающего открыто заявлять аудитории о собственной позиции.

Исследование посвящено анализу речи политического деятеля, в связи с чем кажется логичным обращение к исследованию политического дискурса ответных реплик В. В. Милонова, то есть его прямой речи в момент интервью, так как такая речь всегда максимально естественна, неподготовлена и несценарна, буквально формируется в момент речи. Это

позволяет охарактеризовать речевой имидж парламентария. Его речевое поведение индивидуально-авторское, оно формирует особый стиль политика во время общения с представителями СМИ.

Основная цель политической речи — воздействие на аудиторию. Речевое воздействие — это процесс влияния на сознание и деятельность адресата при помощи языковых и речевых средств, в том числе эмоционально окрашенных и экспрессивных, так как через влияние на эмоциональную составляющую психики адресата проще достигать поставленной цели. Способность воздействовать на аудиторию проявляется прежде всего в умении грамотно выстроить коммуникацию, используя коммуникативные стратегии и тактики. В данном исследовании речевая стратегия понимается как интенция, намерение, замысел актора речи, речевая тактика — как способ, конкретные этапы воплощения в речи стратегии.

В. В. Милонов в своей речи прибегает к стратегиям убеждения, самозащиты, драматизации и привлечения внимания, формирования эмоционального настроения адресата, построения своего политического имиджа. Парламентарий умело использует стратегии в чистом виде, что свидетельствует о его высоком уровне владения риторическим искусством. Но и отличительная особенность реализации стратегий — смешение, что увеличивает силу воздействия на сознание адресата, также помогает формировать личный имидж на фоне других политических деятелей современности.

Стратегии привлечения внимания и драматизации, являясь вспомогательными, по О.С. Иссерс, эффективно воздействуют на публику, помогают говорящему встать на один уровень с аудиторией в эмоциональном плане, создают образ человека, равнодушного к существующим морально-нравственным проблемам в современном обществе. Для реализации стратегии политик не просто демонстрирует осведомлённость о существующей проблеме, при этом классифицируя её, но рисует образ катастрофичной России при помощи метафоризации, употребления просторечных и сленговых лексических единиц.

Стратегия формирования эмоционального настроения адреса реализуется через тактику учёта ценностных ориентиров. Парламентарий прибегает к лексике тематических групп «семья», «преступление — наказание», «Великая Отечественная война», «бандитские девяностые годы». Здесь также присутствует обилие метафор, сниженных, просторечных, жаргонных единиц, усиливающих экспрессивность.

Для воплощения стратегии формирования своего политического имиджа политик прибегает к тактике дискредитации своего политического оппонента (представителя либеральных взглядов) с помощью речевой агрессии и инвективы. Этим единокорсс выделяет себя как борца за стабильность, эмоциональное спокойствие, так как следование его политическим взглядам (консервативным, основанным на христианской морали) является гарантией этого.

Стратегия самозащиты является второстепенной в дискурсе Милонова, но не менее значимой и ярко выраженной. Политик всеми способами старается придерживаться своих взглядов либо «нападать» на интервьюера (как было видно из анализа видеointerview с К. А. Собчак). Как правило, данная стратегия используется параллельно с тактикой дискредитации другого политика.

Все эти стратегии взаимосвязаны, образуют комплекс индивидуальной политической риторики В. В. Милонова, являясь одной масштабной стратегией убеждения, то есть ранее обозначенные стратегии выступают в роли тактики её реализации.

В. В. Милонов использует экспрессивные лексические средства языка. По наблюдениям, сделанным в результате исследования, использование экспрессивных лексических средств в речи В. В. Милонова превышает количество синтаксических и словообразовательных средств. Самыми частотными из лексических средств, используемых В. В. Милоновым, являются фразеологизмы и лексемы разговорного и просторечного характера; из синтаксических средств: вводные конструкции, обозначающие личное мнение и

источник информации, повторы, сложные предложения. Основными функциями экспрессивных средств являются выражение негативного отношения к ситуации, возмущения, реализация намерения выразить иронию, привлечь внимание, показать близость к народу в целом. Но более значимая роль в достижении цели коммуникации отводится лексическим экспрессивным средствам. По количеству экспрессивных лексических и синтаксических средств речь политика можно охарактеризовать как «высоко экспрессивную», так как в качестве инструментов реализации тактик и стратегий в своей речи В. В. Милонов использует преимущественно экспрессивные лексические средства. К ним относятся фразеологизмы, метафоры, сравнения, лексические средства создания иронии и лексемы разговорного стиля просторечные выражения, сленговые и оценочные слова, которые в определённом контексте выполняют экспрессивную функцию.

Основными функциями данных экспрессивных лексических и синтаксических средств являются выражение негативного отношения к ситуации, возмущения, выражения иронии, привлечения внимания людей к проблеме, к отдельному человеку и народу в целом. Активное использование приёмов, которые призваны устанавливать определённые связи создаваемого политиком текста с реальностью, навязывать индивидуальное истолкование, чтобы представление адресата о действительности было искажено в желательном для В. В. Милонова направлении (и это является тонкой психологической игрой анализируемой личности).

В своей речи В. В. Милонов использует экспрессивные средства в целях эмоционального воздействия, которые выступают как необходимый элемент убеждения людей в правильности и необходимости его взглядов и действий.

Список литературы

1. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык: учебник для вузов. 4-е изд., испр. и доп. М.: Флинта: Наука. 2002. 384 с.
2. Арутюнова Н.Д. Дискурс / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева М.: Сов. Энциклопедия. 1990. С. 136–137.
3. Баранов А.Н. Новый лингвистический учебник. Введение в прикладную лингвистику / А.Н. Баранов. М.: УРСС. 2003. 358 с.
4. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю) / А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов. М.: Ин-т русского языка АН СССР. 1991. 193 с.
5. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Словарь русских политических метафор / А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов. М.: Помовский и партнеры. 1994. 330 с.
6. Горелов И.Н., Седов К.Ф. // Основы психолингвистики. Учебное пособие. М.: Лабиринт. 2001. 304 с.
7. Гридин В.Н. Экспрессивность / В.Н. Гридин // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия 1990. С. 591.
8. Крылова О.А. Лингвистическая стилистика. Кн.1. Теория: учеб.пособие/ О.А. Крылова. М.: Высшая школа. 2006. 319 с.
9. Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления. Проблемы семантики: учеб.пособие / Н.А. Лукьянова. Новосибирск: Наука, Сиб. Отделение. 1986. 230 с.
10. Матвеева Т.В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика / Т. В. Матвеева. М.: Флинта. 2003. 431 с.
11. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: Около 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. Изд. 4-е, доп. М.: ООО «А Темп». 2006. 944 с.

12. Телия В.Н. Русский язык / В.Н. Телия // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия. 1998. С. 637–638.
13. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого взаимодействия: учеб. пособие / В.Е. Чернявская. М.: Флинта: Наука. 2006. 136 с.
14. Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учеб. пособие / А.П. Чудинов. М.: Флинта: Наука. 2006. 256 с.
15. Акопова Д.Р. Стратегии и тактики политического дискурса / Д.Р. Акопова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 6 (1). С. 403–409.
16. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров / М.М. Бахтин // Социальная психолингвистика. М.: Лабиринт. 2007. С. 197–236.
17. Блох М.Я., Резникова Н.А. Средства эмоционального воздействия политических выступлений / М.Я. Блох, Н.А. Резникова // Вестник ТГПУ. 2006. Вып. 9 (60). С. 14–19.
18. Болотнова Н.С. Коммуникативная стилистика текста: соотношение понятий идиостиль и лингвокультурный типаж / Н.С. Болотнова // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2014. №2 (143). С. 27–30.
19. Будаев Э.В. Метафора в политическом интердискурсе / Э.В. Будаев, А.П. Чудинов. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т. 2006. 213 с.
20. Вахитова Г.В. Способы передачи внутренней экспрессивности текста: дисс. ... канд. филол. наук. Башкирский гос. ун-т. Уфа. 2007. 193.
21. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / В.В. Виноградов. М.; Л.: Мин-во просвещения РСФСР. 1947. 784 с.
22. Водак Р. Язык. Дискурс. Политика / Р. Водак. Волгоград: Перемена. 1997. 139 с.

23. Гаджиева А.Д. Механизмы создания экспрессивности (на примере текстов выступлений англоязычных политических лидеров) / А.Д. Гаджиева // Политическая лингвистика. 2019. № 4 (76). С. 66–72.
24. Гайкова О.В. Предвыборный дискурс как жанр политической коммуникации (на материале англ. яз.): дисс. ... канд. филол. наук. Волгоградский гос. ун-т. Волгоград. 2003. 210 с.
25. Гак В.Г. Синтаксис эмоции и оценок / В.Г. Гак // Функциональная семантика: оценка, экспрессивность, модальность. М.: РАН. 1996. С. 20–31.
26. Галкина-Федорук Е.М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке / Е.М. Галкина-Федорук // Сб. статей по языкознанию. Профессору Моск. ун-та академику В.В. Виноградову в день его 60-летия. М. 1958. С. 103–134.
27. Гарельская О.С. Стратегия убеждения в политическом дискурсе // Евразийский научный журнал, 2019. № 12. [Электронный ресурс]. URL: <https://journalpro.ru/articles/strategiya-ubezhdeniya-v-politicheskom-diskurse/> (дата обращения: 23.11.2023).
28. Гашкова М.Г. Уровни языковой экспрессии (на материале немецкого языка) // Вестник МГОУ Серия: Лингвистика. 2010. № 3 // [Электронный ресурс]. URL: <https://vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/1364> (дата обращения: 23.11.2023).
29. Генералова С.Н. Понятие «политический дискурс» в лингвокультурологической парадигме / С.Н. Генералова // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2010. С. 95–101.
30. Голев Н.Д. Языковая личность, антропотекст и лингвоперсонологическая гипотеза языка / Н.Д. Голев // Филология: XXI век. (Теория и методика преподавания). Барнаул. 2004. С. 4–9.
31. Голев Н.Д. Языковая личность, антропотекст и лингвоперсонологическая гипотеза языка / Н.Д. Голев // Университетская филология —

- образованию: человек в мире коммуникаций: материалы Междунарол. науч.-практ. конф. (Барнаул, 12–16 апр. 2005г.) / под ред. А.А Чувакина. Барнаул: Алт. гос. ун-т. 2005. С. 84–86.
32. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т.А. ван Дейк. М. 1989. 311 с.
33. Демьянков В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии / В. З. Демьянков // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. 2002. № 3. С. 32–34.
34. Жеребцова Е.В., Юткина С.В. Персуазивная функция иронии в политическом дискурсе (на материале английского языка) / Е.В. Жеребцова, С.В. Юткина // Наука без границ. 2017. № 12 (17). С. 95–106.
35. Иванова Ю.М. Стратегии речевого воздействия в жанре предвыборных теледебатов: дисс. ... канд. филол. наук. Волгоградский гос. ун-т. Волгоград, 2003. 138 с.
36. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 4-е, стереотипное. М.: КомКнига. 2006. 288с.
37. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.С. Иссерс. Омск.: Изд-во ЛКИ. 2008. 284 с.
38. Карасик В.И. Социальный статус человека в лингвистическом аспекте / В.И. Карасик // «Я», «субъект», «индивид» в парадигмах современного языкознания: Сб. научно-аналитических обзоров. М.1992. С. 47–85.
39. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. Волгоград. 2002. 476 с.
40. Караулов Ю.Н., Кибрик А.А., Плунгян В.А. Функционализм и дискурсивно-ориентированные исследования / Ю.Н. Караулов, А.А. Кибрик, В.А. Плунгян // Фундаментальные направления современной американской лингвистики. М. 1997. С. 307–323.
41. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Русский речевой портрет. Фонохрестоматия / М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова. М. 1995. 127 с.

42. Кожухова В.В. Специфика и жанровое пространство политического дискурса / В.В. Кожухова // Вестник ИрГТУ. 2012. №8 (67). С. 290–293.
43. Колшанский Г.В. Соотношение субъективного и объективного факторов в языке / Г.В. Колшанский. М.: Наука. 1975. 232 с.
44. Кубрякова Е.С. О понятии дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике: обзор / Е.С. Кубрякова // Дискурс, речь, речевая деятельность. Функциональные и структурные аспекты: сборник обзоров. М.: ИНИОН РАН. 2000. С. 7–25.
45. Лукьянова Н.А. О соотношении понятий экспрессивность, эмоциональность, оценочность / Н.А. Лукьянова // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Вып. V. Новосибирск. 1976. С.3–21.
46. Лукьянова Н. А. Функции экспрессивных лексических единиц / Н.А. Лукьянова // Труды по когнитивной лингвистике: сб. науч. ст. / Под.ред. М.В. Пименовой. Кемерово: КемГУ. 2008. Вып. 10. С. 55–66.
47. Макаров М.Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе / М.Л. Макарова. Тверь. 1998. 200 с.
48. Макаров М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. М.: ИТДГК «Гнозис». 2003. 280 с.
49. Матвеева Г.Г. Основы прагмалингвистики: [монография] / Г.Г. Матвеева, А.В. Ленец, Е.И. Петрова. 3-е изд., стер. М.: ФЛИНТА: Наука. 2015. 232 с.
50. Матыцина М.С. Исследование политического дискурса в российской и европейской лингвистике: актуальные направления / М.С. Матыцина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2017. Т. 16. № 3. С. 181–187.
51. Михалева О.Л. Политический дискурс. специфика манипулятивного воздействия / О.Л. Михалева. М.: Либроком. 2009. 256с.
52. Новикова А.М. Содержание языковой картины политического мира / А.М. Новикова // Перевод и сопоставительная лингвистика. 2016. № 12. С. 111–113.

53. Николаева Т.М. «Социолингвистический портрет» и методы его описания / Т.М. Николаева // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики: докл. всесоюз. науч. конф. М.1991. Ч. 2. С. 73–75.
54. Паремужашвили Э.Э. Непрямая коммуникация в структуре агрессивного речевого акта (на примере иронии и насмешки) / Э.Э. Паремужашвили // Вопросы когнитивной лингвистики. № 1 (030). Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина. 2012. С. 136–142.
55. Паршина О.Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России / О.Н. Паршина. Астрахань: Изд-во АГТУ. 2004. 196 с.
56. Паршина О.Н. Стратегии и тактики поведения современной политической элиты в России. Астрахань: Изд-во АГТУ. 2005. 325 с.
57. Паршина О.Н. Российская политическая речь: теория и практика / О.Н. Паршина. М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ. 2012. 232 с.
58. Петрищева Е.Ф. Стилистически окрашенная лексика русского языка. М.: Наука. 1984. 221 с.
59. Писарев Д.С. Функционирование восклицательных предложений в современном французском языке и их прагматический аспект / Д.С. Писарев // Прагматические аспекты функционирования языка. Барнаул: Изд-во АГУ. 1983. С. 114–125.
60. Романова Н.П. О метаязыке раздела лексикологии, изучающего экспрессивную лексику / Н.П. Романова // Экспрессивность на разных уровнях языка: межвуз. сб. науч. трудов. Новосибирск: НГУ. 1984. С. 147–159.
61. Русакова О.Ф., Максимов Д.А. Политическая дискурсология: предметное поле, теоретические подходы и структурная модель политического дискурса / О.Ф. Русакова, Д.А. Максимов // Полис. Политические исследования. 2006. № 4. С. 26–44.

62. Сагайдачная Е.Н. Экспрессивные средства языка в речи политиков: на материале текстов публичных выступлений В. Путина, Т. Блэра, Дж. Буша: дисс. ... канд. филол. наук. Южный фед. ун-т. Ростов-на-Дону. 2009. 206 с.
63. Седов К.Ф. Человек в жанровом пространстве повседневной коммуникации / К.Ф. Седов // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М.: Лабиринт. 2007. С. 7–38.
64. Солганик Г.Я. Язык СМИ и политика / Г.Я. Солганик. М.: Издательство Московского университета; факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова 2012 // [Электронный ресурс]. URL:<http://lib.sale/jurnalistika-knigi/funktsionalnaya-tipologiya-znakov-71570.html> (дата обращения: 23.11.2023)
65. Стасюк Н.В. Прагмалингвистические категории выбора и речевого воздействия / Н.В. Стасюк // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. 2015. № 1–2. С. 60–63.
66. Суханов Ю.Ю. Политический дискурс как объект лингвистического анализа / Ю.Ю. Суханов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. М. 2018. Т. 9. № 1. С. 200–212.
67. Теория и методика лингвистического анализа политического текста / А.П. Чудинов, Э.В. Будаев, Е.В. Дзюба [и др.]: отв. ред. А.П. Чудинов. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т. 2016. 303 с.
68. Телия В.Н. Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира / В.Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М.: Наука. 1988. С. 173–203.
69. Телия В.Н. Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и ее прагматическая ориентация / В.Н. Телия // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. М.: Наука. 1991. С. 5–36.

- 70.Телия В.Н. Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности / В.Н. Телия. М.: Наука. 1991. 214 с.
- 71.Толоконникова И.М. Экспрессивные средства языка как компонент создания эстетического эффекта речи специалиста / И.М. Толоконникова // Россия и ВТО: Экономические, правовые и социальные аспекты: Сб. статей участников IV Международного научного студенческого конгресса. М.: Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации. 2013. С. 1487–1491.
- 72.Халатян А.Б. Особенности организации современного политического дискурса / А.Б. Халатян // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2010. № 6. С. 51–54.
- 73.Халатян А.Б. Предвыборный дискурс / А.Б. Халатян // Политическая лингвистика. Ставрополь. 2011. № 2. С. 180–187.
- 74.Хасанова Н.Ф. Категория экспрессивности и ее соотношение с категориями интенсивности, эмоциональности, эмотивности и образности / Н.Ф. Хасанова // Научные исследования и разработки молодых ученых. 2015. Вып. 6. С. 105–108.
- 75.Чиж О.К. Речевые средства воздействия на общественное сознание: языковое манипулирование в СМИ / О.К. Чиж // Молодой ученый. 2012. № 3. С. 282–284.
- 76.Шарова В.В. Категория экспрессивности в русском языке (на фоне английского языка): дис. ... канд. фил.наук. С.-Петерб. гос. ун-т. СПб. 2002. 199 с.
- 77.Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса / Е.И. Шейгал. М.: Гнозис. 2004. 326 с.
- 78.Шелестюк Е.В. Речевое воздействие [Текст]: онтология и методология исследования: монография / Е.В. Шелестюк. 2-е изд., испр. и доп. М.: Флинта. 2014. 344 с.
- 79.Balczynska-Kosman A.
Monitorowaniemediówelektronicznychwczasiekampaniiwyborczych –

- wybrane aspekty / A. Balczyńska-Kosman // *Wkręgi mediów i polityki* / podred. D. Piontek. Poznań : Wydawnictwo Naukowe INPiDUAM 2003. P. 125–134.
80. Burda J. Kategorie prawdy w populistycznych wypowiedziach sejmowych / J. Burda // *Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Rzeszowskiego. Seria Filologiczna, Dydaktyka* 8. 2013. № 79. P. 125–134.
81. Charaudeau P. *La laïcité dans l'arène médiatique. Cartographie d'une controverse sociale.* Paris, INA Editions, collection "Médiasessais". 2015. 176 p.
82. From transformation to integration — women's role and their participation in public life of Visegrad / pod red. M. Musiał-Karg. Poznań: Faculty of Political Science and Journalism Press. Adam Mickiewicz University. 2016. 210 p.
83. Harre R., Gillett G. *The discursive mind.* L. 1994. 324 p.
84. *Język a kultura: Perswazja przez stylizację* / pod red. A. Dąbrowska. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego/ 2014. T. 24. 336 p.
85. Joseph J.E. *Language and Politics* / J.E. Joseph. Edinburgh: Edinburgh University Press. 2006. 176 p.
86. Kujawa I. *Multikulti ist gescheitert, absolut gescheitert! Zur diskursiven Repräsentation der politischen Idee im Bild der deutschen und polnischen Presse* / I. Kujawa // *Kultury i języki pamięci.* Warszawa: Instytut Germanistyki Uniwersytetu Warszawskiego/ 2016. P. 17–23.
87. Połowniak-Wawrzonek D. *Wpływ komunikatów emitowanych w mediach na współczesną polską frazeologię* / D. Połowniak-Wawrzonek // *Annale Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. Sectio FF, Philologiae.* 2009. Vol. XXVII. P. 93–111.
88. Stubbs M. *Discourse analysis: The sociolinguistic analysis of natural language.* Oxford. 1983. 316 p.
89. Wodak R. *Mediation between discourse and society: assessing cognitive approaches in CDA* // *Discourse and society.* 2006. № 8. P. 179–190.

Источники:

1. Депутат Милонов портит имидж Северной столицы. Малафеев, Плющенко, Киркоров и Басков требуют лишить парламентария мандата // 5-tv.ru. 2012. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.5-tv.ru/news/64329/> (дата обращения 23.11.2023).

2. Виталий Милонов: Это не война мужчин (со стороны Азербайджана), это средневековье/ AlphanewsArmeniannetwork: [«Альфа-ньюз»]. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=3vZCO157k4A> (дата обращения 23.11.2023).

3. Депутат Милонов о «спидозном апокалипсисе» и о «выдуманных» пытках геев в Чечне / ведущая Ксения Собчак: [Телеканал «Дождь»]. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=cLv0WZLBEfI> (дата обращения 23.11.2023).

4. Милонов о полученной им «Серебряной калоше»: «Очень приятно» [Электронный ресурс] / GazetaSPb. 2012 // [Электронный ресурс]. URL: <https://gazeta.spb.ru/727325-0/> (дата обращения 23.11.2023)

5. Безрукова Л., Баканов К. Законопорчество депутата Милонова // Газета «Труд». 2012 // [Электронный ресурс]. URL: https://www.trud.ru/article/12-12-2012/1286338_zakonoporchestvo_deputata_milonova.html (дата обращения 23.11.2023)

6. Милонов предложил содомитам собрать в дорожку «хлебушек с пирожками» // Сетевое издание «Царьград/Tsargrad». 2017 // [Электронный ресурс]. URL: https://spb.tsargrad.tv/news/milonov-predlozhit-sodomitam-sobrat-v-dorozhku-hlebushek-s-pirozhkami_72300 (дата обращения 23.11.2023)

7. Милонов против феминизма / ведущий Антон Сорвачев // Канал семейного юриста Антона Сорвачева // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=XxEap4rSRKY> (дата обращения 23.11.2023).

8. Дударева К. «Не в традиции прощать гитлеровских палачей»: Милонов выступил против похабного мира // Сетевое издание «Царьград/Tsargrad». 2022 // [Электронный ресурс]. URL: <https://spb.tsargrad.tv/news/ne-v-tradicii-proshhat->

gitlerovskih-palachej-milonov-vystupil-protiv-pohabnogo-mira_524622(дата обращения 23.11.2023)

9. Душин В. Депутат Госдумы Милонов предложил признать идеологию чайлдфри экстремистской// Газета.ru. 2023 // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2023/02/28/19849405.shtml>(дата обращения 23.11.2023)

10. Корбат И. «Все мои слова я готов подтвердить». Милонов объяснил свой конфликт с ЛДПР из-за истории в Горловке // Фонтанка.ру, 2023 // [Электронный ресурс]. URL:<https://www.fontanka.ru/2023/07/19/72512429/>(дата обращения 23.11.2023)

11. 4 женщины и Милонов. Жаркий спор об абортах / «Вечерняя Хиллари» / ведущая Ксения Собчак: // Телеканал «Дождь». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=2xnQqwx-CEg> (дата обращения 23.11.2023).